

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
“ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ”»

Факультет гуманитарных наук

Крученев Филипп Михайлович

**ПУБЛИЦИСТИКА А.И. ГЕРЦЕНА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ
1860-х гг.**

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки 46.03.01. История
образовательная программа «История»

Научный руководитель
д-р ист. наук, проф.
Соловьев Кирилл Андреевич

Москва 2020

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ИСТОРИОГРАФИЯ.....	11
МЕТОДОЛОГИЯ.....	25
ГЛАВА I. ОЦЕНКИ КОНСЕРВАТОРОВ.....	32
1.1 ОТКРЫТАЯ ПОЛЕМИКА С ГЕРЦЕНОМ.....	32
1.2. ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 Г.	56
1.3. ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ.	66
ГЛАВА II. ОЦЕНКИ ЛИБЕРАЛОВ.	73
2.1. РУБЕЖ 1850-1860-Х ГГ.	73
2.2. ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 Г.	87
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	ERROR! BOOKMARK NOT DEFINED.
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:.....	98
Источники:	98
ЛИТЕРАТУРА:	100

Введение

1860-е гг. занимают важное место в российской истории и привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. В советской историографии важность 60-х гг. XIX в. связывалась не только с эпохой либеральных реформ Александра II, но и с так называемой первой «революционной ситуацией». В основе этого термина лежит ленинская концепция, заложенная в знаменитой статье «Памяти Герцена» 1912 г. По Ленину, история русского революционного движения делалась на три основных этапа: помещичий (главную роль на этом этапе сыграли декабристы, которые «разбудили Герцена»¹), разночинный и пролетарский. Если к пролетарскому периоду относилось «массовое» рабочее движение и деятельность социал-демократических сил, которая охватила период с 1890-х по 1917 гг., то разночинный этап русского революционного движения начался как раз в 1860-х гг., когда началось активное противостояние «революционной демократии против либерализма»². Данная концепция предопределила направление изучения истории русского революционного движения в советской историографии.

Современные исследователи также признают важность данного периода для общественно-политического развития Российской империи. Актуальный сегодня подход к изучению политической и интеллектуальной истории России отличается от подхода советских авторов, который был предопределен четкими идеологическими установками, заложенными Лениным в вышеупомянутой статье. Например, М.А. Маслин в одной из своих работ удачно заметил, что задача современного исследователя заключается в отказе от «принципа партийности историко-философского исследования»³. Подобный отказ от «принципа партийности» привел к тому, что активизация

---

¹ Ленин В.И. Памяти Герцена // Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М., 1973. Т. 21. С. 261.

² Там же.

³ Маслин М.А. Философия А.И. Герцена сегодня // Философский журнал. М., 2012. № 2. С. 132-133.

русского общественно-политического движения в 1860-х гг. связывается не столько с революционной деятельностью так называемой разночинной интеллигенции, сколько с превращением общественного мнения в один из определяющих факторов политической жизни Российской империи. Наиболее ярко это проявилось в возрастании роли периодических изданий, которые, превратившись в рупоры общественного мнения, стали оказывать реальное влияние на формирование общественных настроений в России.

Важную роль в развитии русской политической журналистики в 1850-1860-х гг. сыграл А.И. Герцен. Покинув Россию зимой 1847 г., в 1853 г. он основал в Лондоне бесцензурную Вольную русскую типографию, где при содействии его друга и единомышленника Н.П. Огарева с 1857 по 1870 гг. издавал газету «Колокол». Несмотря на нелегальный статус «Колокола» в России из-за его идеологической направленности, он пользовался огромной популярностью, что постоянно отмечается как в советской, так и в современной историографии. Говоря о масштабах распространения «Колокола» в России советский историк Н.М. Пирумова, отмечает, что в годы наибольшей популярности герценовского периодического издания, которые выпали на конец 1850-х – начало 1860-х гг., его тираж достигал 2000-2500 экземпляров. При этом отмечается, что отдельные материалы «переписывались и ходили по рукам», на основании чего можно сделать вывод, что масштабы распространения были еще большими⁴. Подобная популярность «Колокола» была беспрецедентным явлением для русской заграничной прессы⁵.

По словам М.Н. Каткова, новый выпуск «Колокола» лежал на столе председателя Редакционных комиссий Я.И. Ростовцева. Также в историографии часто делается акцент на том, что газету часто просматривал Александр II⁶. Подтверждение подобной популярности Герцена и его

---

⁴ Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М. 1989. С. 93.

⁵ Желвакова И.А. Герцен. М., 2010. С. 429.

⁶ Там же. С. 433.

«Колокола» можно найти во многих источниках того времени. Например, П.А. Валуев, занимавший пост министра внутренних дел в период с 1861 по 1868 гг., 13 марта 1861 г. записал в своем дневнике, что Александр II высказывал недовольство тем, что подробности деятельности Совета по крестьянскому делу активно освещались Герценом в «Колоколе»⁷. О популярности произведений Герцена писал видный общественный деятель и публицист А.В. Никитенко. В своем дневнике 4 августа 1862 г. Никитенко пересказывал историю, рассказанную им в Дрездене князем Юсуповым. Юсупов зашел в книжную лавку в Германии, где немецкий продавец предложил ему купить произведения Герцена, на что Юсупов заметил, что в России это уголовно преследуется и что было бы опасно перевозить работы Герцена через границу. В ответ немецкий продавец сказал следующее: «Вот пустяки! Я вам доставлю в Петербург сколько угодно, прям в ваш дом, в ваш кабинет!»⁸.

Подобная растущая популярность «Колокола» Герцена, особенно среди молодого поколения, вызывала беспокойства русского правительства, которое впервые столкнулось с необходимостью борьбы со столь массовым распространением нелегальной печати, в которой пропагандировались идеи, оппозиционные по отношению к официальному правительственному курсу. Это проявилось в нескольких проектах цензурных реформ, авторами которых выступали высокопоставленные государственные чиновники. Министр народного просвещения А.В. Головнин выступал за предоставление определенных «льгот», цензурных послаблений русской легальной печати с целью ослабления позиций Герцена. Министр внутренних дел Валуев и Е.В. Путятин наоборот выступали за усиление надзора за печатью и за более жесткие меры в борьбе с распространением в России нелегальной литературы⁹.

---

⁷ Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел в двух томах. М., 1961. Т. 1. С. 83.

⁸ Никитенко А.В. Дневник в трех томах. М., 1955. Т. 2. С. 288.

⁹ Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. – СПб., 1903. С. 135.

Несмотря на то, что правительственный курс не отличался единством мнений по вопросам цензурной политики (как и по многим другим вопросам), подобные проекты цензурных реформ свидетельствуют, что русское правительство столкнулось с необходимостью считаться с общественным мнением. Данная мысль лежала в основе проекта реформирования Государственного совета, предложенного Валуевым. Валуев, будучи преданным сторонником самодержавия, в духе охранительной мысли 1860-х гг. выступал противником введения в России конституции или законодательного парламента, как чуждых России западных политических институтов. По мнению Валуева, конституционный или парламентский строй противоречит основам самодержавия, которое Валуев так же, как и другие идеологи русского консерватизма, считал единственно верной формой правления для России. Однако Валуев приветствовал земскую реформу и выступил инициатором введения в России народного представительства путем включения в законосовещательный Государственный совет выборных представителей от земств. Таким образом, по мнению классика советской историографии П.А. Зайончковского, Государственный совет должен был напоминать австрийский рейхсрат¹⁰.

Подобная необходимость реформирования центральной власти, осознаваемая Валуевым, явилась следствием его обеспокоенности общественным подъемом, что проявилось в росте значения публицистики, в которой проявлялась реакция общественности на те или иные политические события. Подобные меры Валуева были направлены на то, чтобы правительство «овладело социальным движением», которое «делает три четверти истории», и «стало во главе его»¹¹. Эти опасения Валуева базировались на страхе, который американский историк М. Малиа охарактеризовал как «культуру постоянных революционных ожиданий»¹²,

---

¹⁰ Валуев П.А. Указ. соч. С. 32.

¹¹ Там же.

¹² Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М, 2015. С. 253.

ставшей одной из главных характерных черт эпохи с 1815 по 1914 гг. Эти «революционные ожидания» явились прямым следствием Французской революции конца XVIII, которая явилась первой секулярной революцией в современном понимании этого понятия. После 1789 г., когда людям впервые «открылся секрет, что история делается посредством революций» и когда они почувствовали реальную возможность участвовать в историческом процессе, «неумышленная» революция стала невозможна¹³.

Подобное явление, как уже отмечалось выше, в советской историографии освещалось с точки зрения подъема революционного движения, именуемого «революционной ситуацией», лидерами которого, по заветам Ленина, считались Герцен со своим «Колоколом» и Н.Г. Чернышевский с Н.А. Добролюбовым, которые редактировали «Современник». Однако такой взгляд на историю общественно-политического развития России 1860-х гг. не отражает полную картину. Активизация общественной жизни, вызванная более либеральным по сравнению с политикой Николая I курсом Александра II, осознание необходимости коренных преобразований всей системы после поражения в Крымской войне вызвали бурное развитие не только революционного, но и других направлений политической мысли. 1860-е гг. сыграли ключевую роль в «размежевании общественных сил», становлении русского либерализма и консерватизма (хотя граница между разными направлениями русской общественной мысли в 1860-х гг. все еще носила довольно условный характер), а также в формировании русского национализма, ключевую роль в котором сыграло польское восстание 1863 г.

Этот процесс удачно охарактеризовала в одной из своих статей О.С. Кругликова. Жесткий николаевский режим, который не подразумевал участие общества в решении политических вопросов, выступил платформой для консолидации общественных сил против политики Николая I и сохранения

---

¹³ Там же.

крепостного права¹⁴. Этим, например, объясняется практически полное прекращение сотрудничества между «Колоколом» Герцена и славянофилами к 1860-му г. Помимо того, что к 1860-м гг. славянофилы наладили собственное книгоиздание за границей, главная причина сводится к тому, что вопрос об отмене крепостного права, который являлся главной точкой соприкосновения Герцена со славянофилами, к 1860-му г. был практически решен¹⁵. Такого же мнения придерживаются классики советской историографии Е.А. Дудзинская и И.В. Порох, которые отмечали, что конец 1850-х гг. стал периодом наиболее тесного сотрудничества славянофилов с Герценом из-за общей заинтересованности в скорейшей отмене крепостного права¹⁶.

Таким образом, крестьянская реформа 1861 г. стала одной из причин, по которой вчерашние союзники становились идейными оппонентами. В этом контексте стоит рассматривать и либерализм Каткова (над чем постоянно иронизировал Герцен на страницах «Колокола»; из-за англomanии Каткова его «Русский вестник» современники в шутку называли «Вестминстерским вестником»¹⁷) 1850-х – начала 1860-х гг., который являлся критикой режима Николая I.

Либеральные реформы сыграли ключевую роль в становлении так называемого «охранительного» направления. Современный исследователь А.Э. Котов, определяя «общий знаменатель» консерватизма, который сводится к «защите принципа исторической (сословной, национальной, государственной, религиозной) преемственности в условиях, когда сама преемственность поставлена под сомнение»¹⁸, отмечает, что преемственность была поставлена «под сомнения» именно в 1860-е гг. в ходе либеральных

---

¹⁴ Кругликова О.С. Газета М.Н. Каткова «Московские ведомости» (1863-1867 годы): к вопросу об истоках и характере политического влияния// Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. С. 72.

¹⁵ Тесля А.А. Герцен и славянофилы// Социологическое обозрение. М., 2013. Т. 13. С. 79.

¹⁶ Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1986. С. 83-85.

¹⁷ Кругликова О.С. Указ. соч. С. 72.

¹⁸ Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-1890-х годов. СПб., 2016. С. 8.

реформ. И.А. Христофоров указывает, что «размытость и преимущественно традиционный образ действий путем закулисных интриг» в купе с развитием политической печати, которое повышало уровень политической культуры, стало причиной появления «потребности в сформулированных, мотивированных программах действий не только у сторонников, но и у противников реформ»¹⁹. Таким образом, именно в 1850-1860-е гг. в России развернулись активные «дебаты об альтернативе революции и реформы». «Угроза революции» стала одновременно средством оправдания властью как своих реформаторских устремлений и репрессивной политики, так и важным инструментом давления на правительство со стороны общества²⁰, которое осуществлялось преимущественно через прессу.

Важную роль в этих публичных дебатах, как уже отмечалось выше, сыграл Герцен и его «Колокол». Открытая полемика с Герценом и его изданиями стала возможна только в 1860-х гг. (а именно в 1862 г., когда свое отношение к творчеству Герцена стал активно высказывать Катков на страницах легальной русской прессы). До 1862 г. имя Герцена не упоминалось в русской прессе 14 лет²¹. На 1860-е гг. выпало крупное польское восстание, которое стало важной вехой в становлении русского национализма и вызвало новый виток полемики Герцена с представителями разных политических течений русской общественности, а также первые акты революционного террора (покушение Караказова на Александра II 4 апреля 1866 г.), который впоследствии станет важной частью русского революционного движения. Все эти факторы обусловили выбор в качестве центральной темы настоящей работы реакцию русской общественности на публицистику Герцена именно в 1860-х гг.

---

¹⁹ Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 6.

²⁰ Ильин А.А. История понятий «революция» у А.И. Герцена и М.А. Бакунина.: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук НИУ ВШЭ/ Научный руководитель В.С. Парсамов. М., 2017. С. 28.

²¹ Лемке М.К. Указ. соч. С. 149.

Несмотря на обилие научной литературы, посвященной как истории русского общественно-политического движения в 1860-х гг., так и отдельных его представителей, среди которых особый исследовательский интерес вызывают фигуры Герцена, Каткова, Чичерина и др., до сих пор не существует самостоятельного исследования, в котором бы рассматривалось восприятие Герцена и его публицистики русской консервативной и либеральной общественностью. Этим обусловлена **актуальность** настоящего исследования.

Объектом исследования является публицистика и переписка Герцена, консервативная и либеральная печать 1860-х гг., воспоминания и дневники видных государственных и общественно-политических деятелей 1860-х гг.

Предмет исследования – оценки герценовской публицистики представителями русской консервативной и либеральной общественности. В настоящей работе были использованы результаты, достигнутые в моей предыдущей курсовой работе по теме «Политическая программа А.И. Герцена в 1860-е гг.», написанной под руководством профессора К.А. Соловьева²².

В ходе исследования герценовской политической программы необходимо было обратиться к теме полемики Герцена с «Современником» и представителями «молодой эмиграции». На основании исследования данной проблемы, можно сделать вывод о том, что, несмотря на серьезные расхождения в политических программах (из-за которых некорректно безоговорочно относить Герцена к революционерам 1860-х гг.), противоречия между Герценом и революционными демократами сводились преимущественно к вопросам тактики. Герцен считал, что Россия не готова к революции, из-за чего осуждал попытки молодого поколения поскорее перейти от литературной и пропагандистской работы (которую Герцен осуществлял в «Колоколе») к реальному революционному делу. Из-за этого

---

²² Крученнов Ф.М. Политическая программа А.И. Герцена в 1860-е гг.: курсовая работа студента 3 курса бакалавриата образовательной программы «История» факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ/ научный руководитель К.А. Соловьев. М.: 2019. 51 с. Рукопись.

Герцен резко осуждал тактику индивидуального террора, в то время как революционное поколение 1860-х гг. видело в Каракозове «героя». Таким образом, несмотря на общность базовых принципов их политических программ, они расходились главным образом в проблеме перехода к подготовке русской революции. Это стало причиной, по которой оценки Герцена и его творчества революционными демократами 1860-х гг. не будет специально рассматриваться в настоящей работе.

Историография

О важности фигуры Герцена можно судить по наличию нескольких концепций восприятия его идей и наследия. Причем идейное наследие Герцена оказалось востребованным сразу же после его смерти в 1870-м г. Так, например, и народники, и либералы начала XX века, и большевики подчеркивали принадлежность Герцена именно к своей традиции²³. Это говорит о том, что Герцена сложно отнести к какому-то одному общественно-политическому течению. Например, народникам Герцен был близок как «икона революционера и эмигранта» (романтизация фигуры Герцена как революционера), который заложил традицию русской политической эмиграции²⁴. Также фигура Герцен была привлекательна для представителей русского либерализма, а впоследствии и для социал-демократического движения.

Восприятие герценовской публицистики 1860-х гг. тесно связано с вышеупомянутыми традициями интерпретации его идей и наследия. Наибольшей популярностью в начале XX в. пользовалась так называемая либеральная историография. Это было связано с тем, что либеральная историография носила профессиональный характер. Яркие представители русской исторической науки начала XX в. А.А. Корнилов и А.А. Кизеветтер были также членами либеральной партии кадетов. Корнилов писал о том, что «Колокол» Герцена «с первого дня и до приезда в Лондон Михаила Бакунина

---

²³ Ильин А.А. Указ. соч. С. 8.

²⁴ Тесля А.А. Указ. соч. С. 143.

в 1862 году был органом либерального движения в России»²⁵. Более того, Корнилов отмечает либеральную направленность политической программы Герцена, которая, по его мнению, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. даже не подразумевала ограничения самодержавия²⁶. Также, стремясь подчеркнуть либеральную направленность герценовской публицистики, Корнилов обращает внимание на полемику между «Колоколом» и «Современником», в рамках которой Герцен осуждал «нападки «Современника» на либеральные круги»²⁷, опуская при этом более важные предметы их полемики, например, споры о возможной революции в России.

Особый акцент Корнилов делает на довольно радикальном отношении Герцена к польскому вопросу. В современной историографии часто отмечается, что Герцен последовательно отстаивал идею независимости Польши, особенно после расстрела демонстрации, посвященной тридцатилетию польского восстания 1831 года²⁸. В качестве подтверждения можно привести статью Герцена «Vivat Polonia!». В этой статье Герцен проводит параллель между нахождением Польши в составе Российской империи и крепостным правом. Следовательно, Герцен считает поляков такими же несвободными, как и крестьян, находящихся в крепостной зависимости: «не убивайте ни поляка, который хочет быть самим собой, ни крестьянина, требующего свободы»²⁹. Заканчивается данная статья резкой критикой Герцена империй, которые угнетают не титульные нации. В качестве примера Герцен приводит Ломбардию и Венгрию, которые находятся в составе империи Габсбургов, но не стали от этого австрийскими, сохранив национальную самобытность, а также Финляндию и Польшу, которые в составе Российской империи не стали русскими³⁰.

---

²⁵ Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881). Исторические очерки. М., 1909. С. 94.

²⁶ Там же. С. 94-95.

²⁷ Там же. С. 103.

²⁸ Желвакова И.А. Указ. соч. С. 482.

²⁹ Герцен А.И. Vivat Polonia! // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 45.

³⁰ Там же. С. 46.

Таким образом, Корнилов, видимо, сознательно упускает определенные пункты политических взглядов Герцена, которые не позволяют причислить его к носителям либеральной идеологии. Подобные выводы Корнилова основываются на его собственных ожиданиях, в соответствии с которыми он интерпретировал отдельные высказывания и идеи Герцена. При этом Корнилов считает Бакунина «виновным» в радикализации взглядов Герцена, так как до его приезда в Лондон в 1862 году, по Корнилову, Герцен высказывал умеренные взгляды по польскому вопросу³¹.

Более того, Корнилов писал о том, что позицию Герцена в отношении польского восстания 1863 года, которую он активно отстаивал в «Колоколе», разделяло «все передовое русское общество»³². Получается, что Корнилов совершенно не учитывал падение популярности как герценовского «Колокола», так и интереса к самой фигуре Герцена после польского восстания 1863 года, так как радикальную позицию Герцена по национальному вопросу не разделяли ни представители революционеров, ни либералы 1860-х гг., о чем подробно пишет Желвакова³³.

Советская традиция интерпретации герценовской публицистики 1860-х гг. тесно связана идеей, в соответствии с которой Герцен является важным представителем именно революционного движения. Поэтому различные советские авторы пытаются отнести Герцена либо к революционным демократам 1860-х гг., либо считают Герцена основоположником революционного народничества. Об этом писал советский историк, крупный специалист по истории народничества, Н.А. Троицкий. Троицкий отмечал, что в советской историографии сложились две школы изучения народничества. Одна группа историков во главе с Н.А. Нечкиной, И.Д. Коваленко, Ш.М. Левиным под народничеством понимали лишь часть разночинского этапа в российском революционном движении, которая охватывала только 1870-е

---

³¹ Корнилов А.А. Указ. соч. С. 133-134.

³² Там же.

³³ Желвакова И.А. Указ. соч. С. 485-487.

годы³⁴. Поэтому эти историки воспринимали Герцена и Чернышевского не как народников, а как революционных демократов. Следовательно, и вся публицистика Герцена рассматривалась с демократической позиции.

В таком ключе на публицистику Герцена смотрела и Н.М. Пирумова, которая, говоря о полемике между «Колоколом» и «Современником» Чернышевского и Добролюбова, отмечала более широкую направленность герценовского издания, из-за которой «Колокол» активно привлекал внимание либеральной общественности. Далее, следуя советской риторике, Пирумова делает вывод о том, что, несмотря на «либеральные просчеты» в отношении, например, царской власти (в данном контексте имеют в виду открытые письма Герцена к Александру II), Герцен «оставался демократом, а пропаганда «Колокола» была одним из факторов революционной ситуации в России»³⁵.

Другая группа историков, к которой относится и сам Троицкий, а также В.Ф. Антонов, Б.С. Итенберг и Р.В. Филиппов воспринимали народничество как синоним разночинского этапа в революционном движении в России. Следовательно, революционное народничество, по их мнению, охватывало не только 1870-е, но и 1860-е годы. Это выражается, например, в том, как сам Троицкий определял хронологические рамки «хождения в народ». Троицкий полагал, что начало «хождения» относится к 1861 году, когда Герцен в своей статье «Исполин просыпается!», опубликованной в 110 листе «Колокола» от 1 ноября 1861 года, впервые «бросил клич» «В народ! К народу!»³⁶. Поэтому Троицкий считал идеи Герцена, заложенные в его публицистике 1860-х гг., – «квинтэссенцией русского революционного народничества»³⁷. Таким образом, можно сделать вывод, что публицистика Герцена в советской историографии рассматривалась с точки зрения принадлежности Герцена к тому или иному течению в русском революционном движении: либо к революционным демократам 1860-х гг., либо к революционным народникам.

---

³⁴ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 21.

³⁵ Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 125-126.

³⁶ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 143.

³⁷ Там же. С. 86.

Таким образом, характеризуя Герцена как идеолога народничества, советские авторы «мифологизируют анахронизмы», смешивая значение, которое заложил Герцен, с тем влиянием, которое оказали его тексты и его идеи на дальнейшее развитие русского революционного движения³⁸. Именно Герцен в своих статьях, вошедших в сборник «С того берега», впервые сформулировал теорию «русского социализма», которая стала теоретической основой идеологии народничества. Однако Герцен не мог ассоциировать себя с народническим движением, пик которого пришелся на 1870-е гг. и начало 1880-х гг. (Герцен умер в 1870-м г.). Более того, из его полемики с революционными демократами 1860-х гг. видно, что Герцен считал переход к реальной революционной деятельности преждевременным. Это выражалось в отказе Герцена от многочисленных просьб представителей революционного движения 1860-х гг. превратить «Колокол» в центральный печатный орган русского революционного движения.

Наиболее значимыми советскими исследованиями, посвященными Герцену и выполненными в соответствии с советской историографической культурой, являются работы Б.П. Козьмина, который заложил основу советской традиции изучения идей Герцена; Н.Я. Эйдельмана³⁹, автору работ, посвященных изучению издательской деятельности Герцена; А.И. Володина⁴⁰, который являлся одним из крупнейших специалистов по философским воззрениям Герцена (особое место он уделял проблеме «Герцен и Запад»); Н.М. Пирумовой⁴¹, которая стала автором одной из лучших монографий, посвященных идейному развитию Герцена. Ранее уже упоминались такие классики советской исторической науки, как Порох, Дудзинская и Зайончковский. Здесь же необходимо учитывать В.П. Волгина и Ю.Г. Оксмана, которые вместе с Козьминым фактически возглавляли подготовку

---

³⁸ Скиннер К. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория практика интеллектуальной истории/ Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 78-79.

³⁹ Эйдельман Н.Я. Свободное слово Герцена. М., 1999.

⁴⁰ Володин А.И. Володин А.И. Герцен. М., 1970., Володин А.И. Герцен и Запад // Герцен – мыслитель, писатель, борец. М., 1985. С. 15-30.

⁴¹ Пирумова Н.М. Указ. соч.

публикации собрания сочинений Герцена в 30 томах. Все эти авторы считали Герцена лидером революционного движения в России XIX века, не обращая должного внимания на определенные этапы его идейной эволюции. Поэтому в работах этих авторов постоянно встречаются, например, такие словосочетания, как «либеральные колебания» и «монархические иллюзии»⁴² (эти термины активно использовались в комментариях к собранию сочинений), в которых Герцен обвиняется за свои открытые письма к Александру II.

Отличительной чертой современной российской историографии, посвященной Герцену, а также иностранной литературы, заключается в восприятии Герцена как пограничной фигуры в российском общественно-политическом движении XIX века. И.А. Желвакова⁴³, А.А. Ильин, Ф. Вентури⁴⁴, М. Малиа⁴⁵ и А. Келли⁴⁶ использовали в своих исследованиях актуальные научные подходы (Ильин, например, в своей диссертации использовал метод истории понятий). При этом часто делается акцент на том, что Герцен занимал пограничное положение между разными направлениями русской политической мысли.

Это удачно охарактеризовал Берлин, а затем и Малиа. Берлин делал акцент на гуманистической стороне философии Герцена, где центральное место занимала проблема «свободы личности»⁴⁷. При этом Берлин, вписывая Герцена в интеллектуальный контекст 1860-х гг., активно критиковал подход, в рамках которого Герцен воспринимался как идеолог «полуанархического народничества»⁴⁸. Отчасти эту мысль развивает американский историк Малиа,

---

⁴² Герцен А.И. От редакции <Предисловие к «Письму из провинции»>. Комментарии // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 542-543.

⁴³ Желвакова И.А. Указ. соч.

⁴⁴ Venturi F. Roots of revolution. A history of the populist and socialist movement in nineteenth century Russia. New York, 1960. P. 1-36.

⁴⁵ Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812-1855. М., 2010.

⁴⁶ Kelly A. The Discovery of Chance. The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, 2016.

⁴⁷ Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001. С. 92-93.

⁴⁸ Маслин М.А. Указ. соч. С. 137.

который рассматривал Герцена в первую очередь как «дворянина со своими личными проблемами и потребностями»⁴⁹: «Герцен первым в России с абсолютной непреклонностью стал утверждать идеал человека как самоцель, а свободную личность как цель, ради которой должно существовать общество»⁵⁰. Таким образом, Малиа воспринимал герценовскую теорию «русского социализма», которая подразумевала радикальное переустройство общества (Герцен не отрицал революционный путь полностью), как попытку связать идею личной свободы, столь важной для Герцена, с конкретными историческими условиями России⁵¹. Подобная доминанта идеи личной свободы свидетельствует о некорректности отождествления Герцена с народническим движением 1870-х гг.

Современные исследования, посвященные Герцену, отличаются современной методологией и решают задачу, удачно сформулированную Маслиным, которая сводится к необходимости «раскрыть принадлежность Герцена всей русской философии, а не какой-то ее отдельной части»⁵². Это то, что Маслин называет «философской реабилитацией» (это актуально не только для Герцена, но и для других русских философов; данная проблема наиболее остро ощущается в герценоведении из-за «востребованности» идейного наследия Герцена).

Общие тенденции изучения русской политической мысли в советской историографии, рассмотренные выше на примере интерпретации наследия Герцена, были также актуальны и для изучения русского консерватизма и либерализма. О.В. Будницкий в своей работе, посвященной истории политического терроризма в России, назвал Козьмина, Пирумову, Твардовскую и других классиков советской истории, «блестящей плеядой» историков, которые занимались русской политической мыслью и без которых

---

⁴⁹ Ильин А.А. Указ. соч. С. 12.

⁵⁰ Малиа М. Указ. соч. С. 566.

⁵¹ Там же.

⁵² Маслин М.А. Указ. соч. С. 140.

невозможным было бы ни одно современное исследование⁵³. Однако они были поставлены в жесткие идеологические рамки, из-за чего их подходы сегодня несколько устарели.

Одного из главных советских специалистов по истории русского либерализма В.А. Китаева⁵⁴ также можно отнести к «блестящей плеяде» советских исследователей политической мысли. Китаев также характеризует Герцена как «вождя» русского революционного движения, из-за чего русские либералы, например, основоположники так называемой государственной школы К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин воспринимались как «менее прогрессивные» по сравнению с Герценом и другими идеологами революционного движения. В таком ключе, разногласия между Герценом и либералами сводятся к тому, что «социализм и демократизм Герцена, его готовность принять революционное насилие как способ перестройки общественных отношений были неприемлемы для либералов»⁵⁵.

Сближение Герцена с представителями либерального течения в конце 1850х гг. Китаев объясняет «переоценкой значения тех отступлений от последовательного демократизма» (в этом контексте имеются в виду его открытые письма к Александру II, которые, например, Кавелин, воспринимал как проявление герценовской политической «зрелости»), которые допускал Герцен. При этом интересно, что Герцен, по верному замечанию Маслина, был «одним из самых острых и глубоких критиков демократии»⁵⁶. Например, в «С того берега» Герцен писал, что «демократия ничего не может создать, это не ее дело...; демократы только знают (говоря словами Кромвеля), чего не хотят; чего хотят, они не знают»⁵⁷. Работы Китаева представляют собой то, что

---

⁵³ Будницкий О.В. Терроризм в русском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2016. С. 20.

⁵⁴ Китаев В.А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50-60-х годов XIX века). М.: Мысль, 1972.; Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860-1880 гг.). Саратов, 2004.

⁵⁵ Китаев В.А. От фронды к охранительству. Указ. соч. С. 42-43.

⁵⁶ Маслин М.А. Указ. соч. С. 136.

⁵⁷ Герцен А.И. С того берега // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 77.

Скиннер называл «классической» работой по интеллектуальной истории. Китаев подробно расписывает особенности русского либерализма, идейную эволюцию важнейших представителей этого направления, однако их идеи вырваны из общего контекста 1860-х гг.

В.А. Твардовская в таком же ключе смотрит на идейную эволюцию взглядов Каткова⁵⁸. Отмечая либеральный характер его идей в 1850-х гг., его становление как одного из главных идеологов самодержавия рассматривает его как логичное следствие развитие русского общественно-политического политического движения. «Правение» взглядов Каткова после 1861 г. объясняется ростом революционного движения, «революционной ситуацией», в ходе которой правительству было необходимо предложить альтернативную «охранительную программу». В этом контексте Твардовская рассматривает то, как Катков с 1863 г. стал редактором «Московских ведомостей». Твардовская уверена, что эта мера была санкционирована царским правительством⁵⁹. Повторяя за Герценом, который постоянно иронизировал над Катковым, часто называя его «тайным советником журнализма»⁶⁰, подчеркивая тем самым его связь с русским правительством (при этом необязательно, что Герцен действительно считал, что Катков в своих изданиях выполнял государственный заказ; скорее всего, подобная характеристика использовалась Герценом для усиления полемического эффекта; точно так же Катков постоянно высказывался о низких моральных качествах Герцена, используя при этом довольно резкие выражения). Эту же идею повторяет Лемке, который, будучи членом партии социалистов-революционеров, с большой симпатией относится к Герцену и другим представителям русского революционного движения.

---

⁵⁸ Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978.

⁵⁹ Там же. С. 23.

⁶⁰ Герцен А.И. Сенаторам и тайным советникам журнализма // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 91.

В современной историографии часто изобличается миф о том, что Катков находился на государственной службе. Например, Маслин в одной из своих статей последовательно доказывает, что Катков стал редактором «Московских ведомостей» на конкурсной основе, выиграв «тендер»⁶¹. Основной причиной была финансовая, а не политическая. Катков ввел литературный отдел, стал публиковать отчеты об открытых студенческих мероприятиях (газета принадлежала Московскому университету) и впоследствии увеличил тираж газеты в три раза. Маслин также обращает внимание читателя на то, что несмотря на определенные цензурные послабления, Катков никак не был официально связан с русским правительством.

В вышеупомянутых работах современных авторов, Тесли, Христофрова, Котова и др. идеи русского либерализма и консерватизма вписываются в более широкий исторический контекст 1860-х гг. В отличие от советских авторов, которые воспринимали эти направления общественной мысли как нечто «единое», современные исследователи наоборот отмечают их неоднородность. Например, Котов, считая, что так называемые русские консерваторы, в 1860-х гг. не отличались единством мнений даже по ключевым вопросам, полагает некорректным использовать термин «консерватизм» применительно к российской истории 60-х гг. XIX в. без пояснительного прилагательного. Поэтому он характеризует политические взгляды Каткова как «бюрократический национализм» (национализм Котов использует в широком смысле и в контексте 1860-х гг. отождествляет его с консерватизмом)⁶².

В советской историографии консерваторы так же, как и часть либералов после польского восстания 1863 г., рассматривались как «традиционалисты», которые априорно зачислялись в лагерь противников не только европейских

---

⁶¹ Маслин М.А. К вопросу об «охранительном национализме» М.Н. Каткова // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. С. 15.

⁶² Котов А.Э. Был ли Катков православным консерватором? // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. С. 64.

ценностей, но и прогресса вообще⁶³. Современная историография, как уже отмечалось выше, отличается отказом от оценочных суждений (например, Зайончковский называл Д.А. Толстого, который сначала занимал пост министра народного просвещения, а затем министра внутренних дел, «мракобесом»⁶⁴) в пользу включения идей русских идеологов либерализма и консерватизма в более широкий контекст 1860-х гг. Подобный современный подход используется вышеупомянутыми авторами, Котовым, Христофоровым, Теслей. Таким образом, несмотря на то, что в современных исследованиях авторы активно используют актуальные методы интеллектуальной истории, до сих пор нет исследования, которое было бы посвящено комплексному анализу того, как консервативная и либеральная русская общественность воспринимала идеи и публицистику Герцена.

Целью настоящего исследования является определить, какое было отношение к Герцену и его публицистике среди русской консервативной и либеральной общественности, и как оно менялось на протяжении 1860-х гг. Достижение поставленной цели предполагает выполнение нескольких **задач**. Во-первых, необходимо определить, как Герцен и его идеи интерпретировались консервативной общественностью. Во-вторых, необходимо определить, каким было восприятие Герцена и его публицистики русской либеральной общественностью 1860-х гг.

Главными **источниками** для написания настоящей работы явились периодические издания. По верному замечанию Котова, русская печать 1860-х гг. зачастую была связана с феноменом «персонального журнализма»⁶⁵. Это было связано с тем, что идейное направление издания было тесно связано с убеждениями издателя или редактора. Ярким примером являются «Колокол» Герцена, «Русский вестник» и «Московские ведомости» Каткова, «День» Аксакова, «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича и другие периодические

---

⁶³ Христофоров И.А. Указ. соч. С. 9.

⁶⁴ Валуев П.А. Указ. соч. С. 42.

⁶⁵ Котов А.Э. «Царский путь». Указ. соч. С. 47.

издания, в которых публиковались статьи идеологов русского консерватизма и либерализма. Из публицистики можно сделать вывод о составляющих политической программы ярких представителей русского общественно-политического движения 1860-х гг., которая во многом и определяла причину разногласий между представителями разных течений русской общественной мысли. Например, в своей программной статье «Что нам делать с Польшей?», опубликованной в «Русском вестнике»⁶⁶, Катков четко сформулировал свой проект разрешения так называемого «польского вопроса», что важно для понимания основных пунктов полемики между Катковым и Герценом в контексте польского восстания 1863 г.

Как уже отмечалось выше, периодические издания стали главной платформой политической полемики. Следовательно, на страницах газет и журналов русские либералы и консерваторы (иногда напрямую упоминая имя Герцена в своем тексте, иногда завуалированно с помощью намеков) высказывали свое отношение к творчеству Герцена. Так, например, Аксаков в своих первых двух письмах Касьянова (псевдоним Аксакова) «Из Парижа», в которых один из главных идеологов славянофильства активно русскую эмиграцию, в особенности Герцена, напрямую не называет имя редактора «Колокола». Однако текст изобилует нападками именно в сторону Герцена. Аксаков активно критикует русских эмигрантов, которые из-за особенностей «русской души» «оказываются лишними повсюду»⁶⁷. В оппозицию «лишним» русским за границей Аксаков приводит в пример пруссаков, которые «с гордостью скажут, ткнув себя пальцем в грудь: здесь бьется прусское сердце»⁶⁸. Эта фраза написана у Аксакова на немецком, а слово «Herz»,

---

⁶⁶ Русский вестник. 1863. Т. 44. С. 469-506 [электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_chno_nam_delat_s_polshey.html/ (дата обращения 25.04.2020).

⁶⁷ Аксаков И.С. Письма Касьянов из Парижа. Письмо второе // День. 1863. № 16 [электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_pisma_kasyanova.html/ (дата обращения 12.03.2020).

⁶⁸ Там же.

которое переводится как «сердце», написано с большой буквы. Логично предположить, что это является прямым намеком на Герцена, который получил свою фамилию от немецкого слова «herz» («сердечный»), будучи незаконнорожденным сыном помещика И.А. Яковлева от немки. Подобный намек в купе с дальнейшими (в третьем письме Касьянова) прямыми обвинениями Герцена в предательстве России в контексте польского восстания 1863 г. позволяют сделать определенные выводы о том, как Герцен воспринимался в славянофильских кругах на примере отношения к нему Аксакова.

Также в ходе исследования активно использовались источники личного происхождения – письма (активно использовались письма Герцена, Кавелина, Стасюлевича), воспоминания и дневники. Например, важное место занимает переписка Герцена с Кавелиным летом 1862 г. Брошюра Кавелина «Дворянство и освобождение крестьян»⁶⁹, опубликованная в Берлине, вызвала недовольство Герцена и даже привело к идейному «разрыву» между двумя старыми товарищами. В своем письме к Кавелину от 7 июня 1862 г. Герцен писал: «Я схоронил Кетчера, Корша – психически... Тургенев дышит на ладан, - и ко всему этому должен прихоронить тебя... Твоя брошюра кладет между нами предел, через который один мост и есть – твое отречение от нее...»⁷⁰. Таким образом, анализ брошюры Кавелина, а также их переписки с Герценом, проливает свет на различия в программах Герцена и Кавелина как либерала так называемой государственной школы. Их полемика по поводу идей, высказанных Кавелиным в вышеупомянутой брошюре, развернулась в переписке, а не в публичном поле.

Особое место среди источников личного происхождения занимают дневники Валугева и Никитенко. В отличие от воспоминаний, они лишены ретроспективности. Дневник Валугева, например, является ценным

---

⁶⁹ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т.2. С. 106-142.

⁷⁰ Герцен А.И. К.Д. Кавелину (черновое). 7 июня (26 мая) // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1963. Т. 27. С. 226-227.

историческим источником, так как проливает свет на процесс принятия важных государственных решений, рассматриваемых через призму министра внутренних дел. Более того, в дневнике Валуева так же, как и в дневнике Никитенко содержатся ценные характеристики видных общественных и государственных деятелей. Несмотря на то, что дневники в условиях государственной цензурной политики содержат в себе так называемые «зоны умолчания» (например, рассуждая о революционном движении в России и его связи с петербургскими пожарами летом 1862 г., Никитенко рассказывал, как Валуев ответил отказом на просьбу Головнина «дать объявление в том смысле, что напрасно обвиняют студентов»⁷¹; при этом Никитенко не высказывает свое отношения к обвинению студентов виновниками в петербургских пожарах), они являются чрезвычайно важным историческим источником. З

Записи Валуева, относящиеся к 1863 г., содержат не только важную информацию о том, как сам Валуев смотрел на решение «польского вопроса», но и проливают свет на то, как польское восстание воспринималось высшей властью, что является важнейшей характеристикой общественных настроений в России. Весной 1863 г. Валуев характеризовал внутривластную ситуацию следующим образом: «Правительство даже внутри империи некоторым образом в осадном положении. Обуревающие волны поднимаются незаметно. Слабость орудий, неповоротливость механизма, отсутствие господствующих и руководящих личностей – вот те признаки, которые меня тревожат»⁷². Подобное настроение Валуева вместе с огромной нагрузкой, которая приходилась на него во время польского восстания как на министра внутренних дел стали причиной, по которой он 12 апреля 1863 г. подал Александру II записку с просьбой увольнения с должности министра, которую император не принял, выразив тем самым свое доверие Валуеву⁷³.

---

⁷¹ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 278.

⁷² Валуев П.А. Указ. соч. С. 209.

⁷³ Там же. С. 217.

Таким образом, комплексный анализ периодики, где велась публичная полемика и публиковались программные статьи, вместе с источниками личного происхождения, к которым относятся письма, дневники и воспоминания, предоставляет наиболее полную картину общественных настроений 1860-х гг., а также того места, которое занимал Герцен в общественно-политическом дискурсе 1860-х гг.

Методология

Еще одним важным фактором, который обуславливает актуальность настоящей работы является методология интеллектуальной истории, приемы которой значимы для изучения общественно-политической мысли XIX в., что находит подтверждение в современной историографии. Одним из наиболее авторитетных и популярных подходов к изучению интеллектуальной истории является подход так называемой Кембриджской школы, наиболее яркими представителями которой являются К. Скиннер и Д. Покок. Несмотря на то, что образование Кембриджской школы традиционно относят к 1940-1950-м гг., подходы, заложенные Скиннером и Пококом остаются актуальными в современной исторической науке (регулярно выходят статьи, посвященные этой теме, а ведущие специалисты по политической и интеллектуальной истории проводят конференции, посвященные этой теме). В качестве примера можно привести сборник, посвященный Кембриджской школе и опубликованный «Новым литературным обозрением» в 2018 г.⁷⁴. В данном сборнике, помимо ключевых работ Скиннера и Покока, опубликованы также современные исследования, например, работа С.В. Польского, который является одним из крупнейших современных специалистов по российской интеллектуальной истории XVIII в., а также работа Т.Ю. Борисовой, посвященная формированию «правового языка» в Российской империи на примере процесса над Верой Засулич⁷⁵, в которых активно применяются методы Кембриджской школы.

---

⁷⁴ Кембриджская школа: теория практика интеллектуальной истории. Указ. соч. 632 с.

⁷⁵ Там же. С. 409-484., 522-547.

Методология Скиннера основывается на включении текста, в котором содержатся политические идеи, в социальный и интеллектуальный контекст эпохи. У подобного подхода есть ряд серьезных преимуществ перед тем, что Скиннер называет «классическим методом интерпретации», в рамках которого основное внимание исследователя привлекают известные теоретики и их классические тексты. Скиннер, в отличие от профессора Менара, автора «классического» исследования политической мысли Средних веков, который последовательно анализировал важнейшие работы Макиавелли, Томаса Мора и Эразма, смещает акцент на «наиболее характерные особенности обществ», в которых теоретики создавали свои работы⁷⁶. Подобный подход позволяет избежать ошибку, часто допускаемую исследователями политической мысли. Ошибка диктуется стремлением историка «расширить историческую интерпретацию», из-за чего тому или иному автору, исходя из ожиданий историка (которого от автора может отделять несколько сотен лет), «приписываются действия, которые тот не стал бы – или даже не мог бы – соотносить с тем, что он действительно делал»⁷⁷. Анализ более широкого контекста, то есть общества, в котором создавался тот или иной текст позволяет избежать подобных ложных интерпретаций.

Формулировка «что автор действительно делал» («What was the author doing by writing his text?») важна для методологии Кембриджской школы. Поскольку политические тексты так же, как и политические теории, не существуют в «вакууме», автор во время написания своего текста отвечает на определенный круг вопросов, который ставит перед ним политическая жизнь общества, к которому он принадлежит, «заставляя выглядеть проблематичным определенный круг ситуаций и превращая их в главный предмет дискуссии»⁷⁸.

---

⁷⁶ Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. М., 2018. Т. 1. С. 9-10.

⁷⁷ Скиннер К. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 57.

⁷⁸ Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Указ. соч. С. 9-10.

В этом контексте, по Скиннеру, необходимо обращать особое внимание на «политический словарь» используемый автором. Это необходимо для того, чтобы понять «интенцию» автора, который внутри «уникальной полемической ситуации» использует определенные термины и понятия, чтобы сделать определенный «полемический ход»⁷⁹

Скиннер, ссылаясь на Макса Вебера, прослеживает связь между политическим поведением и политической мыслью. В качестве примера он приводит в пример государственного деятеля, который хочет охарактеризовать свои действия как легитимные. Для подобной характеристики своего поведения человеку придется пользоваться нормативным словарем своего общества (так как не любая модель поведения вписывается в понятие «легитимного») и учитывать существующие в данном обществе моральные установки. Следовательно, «диапазон» возможного поведения будет органичен. Из этого вытекает важность анализа политической мысли, которая формирует политический словарь эпохи, наделяя те или иные термины и понятия особыми смыслами, которые и определяют политическую жизнь. Подобный подход Скиннер называл «историей идеологий»⁸⁰.

Эту проблему развивал Покок во введении к книге «Добродетель, торговля и история», опубликованной в 1985 г. Он разделяет позицию Скиннера по поводу важности политических языков, однако Покок делает акцент на анализе политических дискуссий. Участвуя в дискуссии, используя определенный политический язык автор является одновременно и «экспроприатором», который использует чужой язык в собственных целях, и «новатором, воздействующим на язык таким образом, чтобы вызвать мгновенное или продолжительное изменение в том, как этот язык

---

⁷⁹ Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Указ. соч. С. 35-36.

⁸⁰ Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Указ. соч. С. 14.

используется»⁸¹. Покок воспринимает политическую философию не как абстрактный набор идей, оторванный от реальной политической жизни, а как «самостоятельное политическое действие, нацеленное на формирование риторической нормы и языка сообщества – посредством публичной речи»⁸².

Таким образом, в центре внимания Покока оказывается «открытая полемика или обмен аргументами между компетентными, исторически конкретными авторами, стремящимися обрести социальное и политическое признание, использующими сложившиеся политические и нормативные языки для легитимации своих намерений»⁸³. Подобный подход особенно актуален в контексте российской истории 1860-х гг., когда в условиях формирования разных общественно-политических течений полемика в печати стала одной из определяющих форм политической дискуссии, в процессе которой формировался политический словарь и вырабатывались политические ценности.

Причина, по которой методология Кембриджской школы мало применялась для изучения русской интеллектуальной истории, обосновывает **новизну** настоящей работы. История «русской общественной мысли была законсервирована в советские годы в силу несомненной идеологической значимости». Это явилось главной причиной, по которой данная область осталась «методологически не разработанной»⁸⁴. Из-за подобной «идеологической значимости» для советской власти сюжетов, связанных с русским общественно-политическим движением, советские историки зачастую прибегали к методу, который Скиннер характеризует как «одушевление теории». Подобное «одушевление» было связано с представлением историка о том, что та или иная теория «в своей полноценной форме всегда присутствовала в истории, даже если тем или иным мыслителям

---

⁸¹ Покок Д. The State of the Art // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 149-150.

⁸² Там же. С. 21-22.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 37-38.

не удалось ее обнаружить»⁸⁵. Это ярко видно по тому, как в советской историографии шел постоянный поиск прообразов чего-то социалистического в работах разных философов.

«Одушевление теории», по Скиннеру, часто вело к тому, что историк давал оценочные суждения писателям прошлого в зависимости от того, «насколько им удалось предвидеть, какими мы станем»⁸⁶. Ярким примером является характеристика взглядов русских либералов в контексте польского восстания 1863 г. Либеральная общественность России не поддержала радикальных взглядов Герцена на разрешение так называемого «польского вопроса». Герцен выступал за независимость Польши, критиковал империю как форму государственного устройства (как «тюрьму народов») и в резких выражениях обвинял русское правительство ответственным как за начало самого восстания, так и за то, что его подавление сопровождалось человеческими жертвами (как со стороны поляков, так и со стороны русской армии). В связи с этим русские либералы считались советскими историками «шовинистами», а Герцен, как важная фигура для истории русского революционного движения, представлялся как человек более прогрессивных (в сравнении с русскими либералами) взглядов, который в 1863 г. «спасал честь русской демократии»⁸⁷.

Таким образом, Герцен и его идеи интерпретируются в работах советских историков с двух сторон. Во-первых, ему ошибочно присваиваются с опорой на «разрозненные или случайные замечания» идеи, которые «историк привык ожидать»⁸⁸. Поэтому Герцен интерпретировался как один из «вождей» русского революционного движения наравне с Чернышевским. В соответствии с подходом Кембриджской школы стоит отказаться от «принципа партийности», вписывая идеи Герцена в более широкий контекст,

---

⁸⁵ Скиннер К. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 62-63.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 174, 177.

⁸⁸ Скиннер К. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. С. 64.

и рассматривать Герцена как пограничную фигуру в истории русского общественно-политического движения.

Во-вторых, Герцен подвергался критике со стороны советских авторов за то, что ему «не удалось выдвинуть опознаваемую теорию по одной из традиционных тем»⁸⁹. В этом контексте Герцен упрекался Лениным, а вслед за ним и советскими историками, за так называемые «либеральные колебания» и «монархические иллюзии»⁹⁰, под которыми понимались открытые письма Герцена к Александру II, относящиеся ко второй половине 1850-х – началу 1860-х гг., когда Герцен был воодушевлен либеральными устремлениями императора. Ленин называл эти письма «бесчестными и слащавыми» и считал, что Чернышевский, Добролюбов и братья Серно-Соловьевичи, которых Ленин называет «настоящими» представителями разночинной интеллигенции, были правы, когда «упрекали Герцена за эти отступления демократизма к либерализму»⁹¹. Однако, осознавая важность Герцена как «идеолога революции» и опуская бурную полемику, которую Герцен вел как с редакторами «Современника», так и с представителями «молодой эмиграции», Ленин делает вывод, что «демократ» все-таки «взял в нем верх»⁹².

Таким образом, современная историографическая ситуация требует «философской реабилитации» Герцена⁹³ и других русских общественно-политических деятелей XIX в. Также стоит отметить, что **новизна** настоящей работы сводится к тому, что восприятие Герцена и его идей русской консервативной и либеральной общественностью становится специальным предметом исследования в соответствии с актуальной методологией, предложенной представителями Кембриджской школы интеллектуальной истории. Однако некоторые исследователи все-таки касались разных аспектов данной темы. Так, например, Порох в одной из своих работ, анализируя

---

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Герцен А.И. От редакции <Предисловие к «Письму из провинции»>. Комментарии // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 542-543.

⁹¹ Ленин В.И. Указ. соч. С. 259.

⁹² Там же.

⁹³ Маслин М.А. Указ. соч. С. 139

характеристики, даваемые Герцену, в письмах его идейных противников (Порох анализировал письма, которые не предназначались для публикации, следовательно, Герцену они остались неизвестными) наметил общее направление настоящего исследования. Порох выделил два направления критики Герцена и его идей в 1860-е гг.: «против демократического решения крестьянского вопроса, предусматривающего освобождение «крещеной собственности» с землей; против революционных призывов, содержащихся в изданиях Вольной русской типографии; по линии клеветнического искажения личных и моральных качеств Герцена»⁹⁴. Однако подобные выводы Пороха являются неполными и нуждаются в уточнениях.

Таким образом, для достижения главной цели исследования и выполнения задач, поставленных выше, настоящая работа будет разделена на две смысловые части, в которых сначала будет рассматриваться восприятие Герцена и его идей русской консервативной, а затем либеральной общественностью. Следовательно, структура настоящей работы выглядит следующим образом:

- 1) Глава I: Публицистика Герцена в оценках русской консервативной общественности 1860-х гг.
- 2) Глава II: Публицистика Герцена в оценках русской либеральной общественности 1860-х гг.

---

⁹⁴ Порох И.В. А.И. Герцен в письмах своих идейных противников (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.) // Историографический сборник. Саратов, 1994. № 16. С. 78.

Глава I. Оценки консерваторов

1.1 Открытая полемика с Герценом

Эволюцию взглядов консервативной общественности прослеживает В.Я. Гросул. К началу 1860-х гг. сторонники охранительного направления смирились с неизбежностью реформ. Следовательно, если еще в 1850-х гг. некоторые представители консервативной общественности видели свою цель в отстаивании крепостнического порядка, то к 1860-м гг. цель консерваторов стала сводиться к максимально благоприятному решению крестьянского вопроса для помещиков⁹⁵. Более того, Гросул отмечает, что консерваторы оказались в идейной «изоляции», так как их мнение относительно крестьянской реформы было непопулярным и не поддерживалось даже императором, который выступил инициатором преобразований. Печать также находилась «в руках либералов и демократических кругов и они не пропускали других мнений, активно прокладывая пути реформе». Это привело к тому, что был выработан консерватизм «нового типа», где консерваторы стали выступать сторонниками общего и постепенного прогресса, который при этом не ставил под сомнение основы самодержавного строя. Таким образом, консерваторы в начале 1860-х гг. из «традиционалистов и охранителей» превратились в «людей изменений, направленных на всяческое сохранение власти дворянства, которому, как они считали, угрожает смертельная опасность»⁹⁶. Главными представителями «нового» типа охранительного направления в России 1860-х гг. можно считать М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, А.В. Никитенко, П.А. Валужева.

Имя Герцена, который считался государственным преступником, до 1862 г. было запрещено использовать в русской подцензурной печати. В этом контексте показательны слова барона Ф.И. Фиркса (псевдоним Д.К. Шедо-Ферроти): «Одно упоминание фамилии «Герцен» достаточно для того, чтобы

---

⁹⁵ Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 206.

⁹⁶ Там же. С. 212.

цензура вычеркнула статью, даже написанную не в тоне и не в духе Герцена»⁹⁷ Однако в 1859 г. появилась анонимная брошюра, опубликованная в Берлине и ставшая первым антигерценовским публичным выступлением⁹⁸. На самом деле, автором брошюры являлся Н.В. Елагин, духовный писатель и цензор, с 1857 г. работавший в Главном управлении цензуры. Елагин критикует Герцена с религиозно-охранительных позиций, обвиняя Герцена в стремлении «ослабить веру» и «низвергнуть всякую власть» с целью ввести в России «анархию»⁹⁹. Активно критикуя направление герценовского «Колокола», в котором Герцен искажает русскую действительность с целью представить Россию в дурном свете перед Европой, Елагин называет Герцена «предателем», который изменил родине и христианству, заменив христианскую религию «религией революции»¹⁰⁰. Интересно, что подобные направления критики Герцена за его «предательство» и за искажение русской действительности на страницах своих изданий, прежде всего «Колокола», будут пользоваться популярностью как среди консервативной, так и среди либеральной общественности на протяжении 1860-х гг. (подобные сюжеты, например, часто присутствовали в полемически направленных против Герцена статьях И.С. Асакова, в программе которого религиозный вопрос занимал одно из главных мест).

В таком же религиозно-охранительном духе была написана брошюра (также анонимно изданная за границей) «Нынешнее состояние России и заграничные русские деятели» 1862 г.¹⁰¹. Автор данной брошюры так же, как и Елагин отмечает повышение интереса к России и к русской культуре со стороны европейской общественности, которая еще недавно делала выводы о

---

⁹⁷ Письмо А.И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д.К. Шедо-Ферроти. Берлин, 1862. С. 38.

⁹⁸ Берташ А. Елагин / А. Берташ // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 18. С. 253-257 [электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/189667.html/> (дата обращения 04.05.2020).

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Нынешнее состояние России и заграничные русские деятели. Берлин, 1862. 31 с.

России, «не зная ее быта, ее жизни и языка, собирала сведения где попало, без сущности, без целостности, без сути...»¹⁰². При этом автор признает, что в России «не все прочно», однако считает, что император Александр II встал «на путь разумного прогресса», от которого уже «не отступится»¹⁰³.

В данном контексте автор брошюры рассматривает крестьянскую реформу 1861 г., которую он оценивает как положительную меру, которая, несмотря на радикальные изменения в социально-экономическом устройстве российского государства, ведет Россию «к лучшему и благородному»¹⁰⁴. Это служит основанием для обвинения Герцена, который в своем «Колоколе» принял на себя «грустную обязанность» критиковать все несовершенства российского государственного устройства, желая тем самым «однажды стать во главе России»¹⁰⁵. Следовательно, автор брошюры, считая русское правительство единственно возможным, легитимным субъектом исторического процесса, характеризует издательскую деятельность Герцена как разрушительную: «Нетерпеливые и неопытные прогрессисты на словах кричат: «все стоит, везде беда, все дурно; но разумным людям известно, что эта толпа крикунов кричит, двигаемая, как бы невидимую силой, по лозунгу из Лондона»¹⁰⁶. Автор брошюры, противопоставляя умеренно прогрессивный правительственный курс «нетерпеливым прогрессистам», которые не понимают российских реалий и требуют «утопичных» радикальных преобразований, возлагает ответственность за появление и распространение в России таких «нетерпеливых прогрессистов» на Герцена и его пропаганду в «Колоколе»

В этом контексте стоит также обратить внимание на термин «прогрессисты», который автор брошюры использовал для характеристики

---

¹⁰² Там же. С. 3.

¹⁰³ Там же. С. 4.

¹⁰⁴ Там же. С. 6. Подобное суждение служит подтверждением мысли о том, что в 1860-х гг., вопреки оценкам советских историков, представители так называемого охранительного направления не были противниками прогресса и реформ.

¹⁰⁵ Там же. С. 4.

¹⁰⁶ Там же. С. 6.

идейной направленности Герцена и его сторонников. Подобный термин часто использовался представителями охранительного направления для характеристики оппозиционному правительственному курсу взглядов. При этом русские консерваторы не делали различий между Герценом и представителями революционного поколения 1860-х гг., которые в своих убеждениях ориентировались на «Современник» Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. М.Н. Катков в одной из своих программных статей «К какой партии мы принадлежим?»¹⁰⁷, которую Ленин назвал поворотной в его идейном развитии¹⁰⁸, охарактеризовал общественные настроения в России на момент 1862 г.

В этой статье Катков отмечает, что наиболее почетно и модно быть «прогрессистом», который считается «другом человека, готового на великие подвиги, на всяческие жертвы просвещения, свободы, благоденствия всех и каждого»¹⁰⁹. Из этой характеристики понятно, что «прогрессисты» являются представителями социалистической мысли. Поэтому Катков характеризует один из главных пунктов их программы как «благоденствие всех и каждого». Похожая интерпретация социализма останется актуальной для представителей русской охранительной и религиозной мысли вплоть до начала XX в.¹¹⁰

---

¹⁰⁷ Катков М.Н. К какой партии мы принадлежим? // Русский вестник. 1862. Т. 37. № 2. С. 832-844 [электронный ресурс]. URL:

http://dugward.ru/library/katkov/katkov_k_kakoy_partii.html/ (дата обращения 12.03.2020).

¹⁰⁸ Именно в этой статье, по мнению Ленина, Катков окончательно отошел от «либерального сочувствия английской буржуазии и английской конституции» в пользу «национализма, шовинизма и бешеного черносотенства». См.: Герцен А.И. Сенаторам и тайным советникам журнализма. Комментарии // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 382.

¹⁰⁹ Катков М.Н. К какой партии мы принадлежим // Русский вестник. 1862. Т. 37. № 2. С. 832-844.

¹¹⁰ Религиозный философ В.С. Соловьев считал социализм «безнравственным» за «животное» стремление к материальному благосостоянию каждого, которое не может иметь никакой нравственной силы. См.: Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. СПб., 2010. С. 13-14.

Более того, в этом же небольшом фрагменте Катков удачно охарактеризовал русскую революционную интеллигенцию¹¹¹, формирование которой традиционно относят к 1860-м гг. Одной из главных черт русской интеллигенции было чувство вины перед народом за длительное сохранение крепостного права, которое заставляла быть «героем» и идти «на жертву». В этом контексте Катков использует слово «прогрессист» как антоним понятия «консерватор», которое, по меткому замечанию Каткова, используется, особенно среди молодежи, «вместо брани»¹¹². Следовательно, Катков не делает никакой разницы между Герценом и Чернышевским, которого можно считать одним из лидеров русской разночинской интеллигенции. Несмотря на подобную интерпретацию Каткова, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. между «Колоколом» и «Современником» развернулась бурная полемика¹¹³. Следовательно, подобная интерпретация Каткова может зависеть от нескольких факторов. Либо Катков не обратил внимание на полемику Герцена с Н.А. Добролюбовым и Н.Г. Чернышевским, либо он действительно не делал разницы между двумя программами социалистической направленности, которые априорно считались Катковым революционными по своему характеру, так как предполагали разрушение старого мира (несмотря на то, что Герцен выступал противником революции) ради построения нового.

---

¹¹¹ С понятием «интеллигенция», по заветам Ленина, зачастую используется прилагательное «разночинская»; таким образом, второй этап русского революционного движения был назван в честь разночинской интеллигенции.

¹¹² Катков М.Н. К какой партии мы принадлежим? // Русский вестник. 1862. Т. 37. № 2. С. 832-844.

¹¹³ Герценовская статья «Лишние люди и желчевики» 1860 г. явилась ответом на статью Добролюбова «Благонамеренность и деятельность», в которой редактор «Современника» обвинял так называемых «лишних людей» 1830-1840-х гг. («лишних» в России Николая I), к которым относился и сам Герцен. «Лишние люди», по мнению Добролюбова, возникли «на почве крепостничества, обеспечивавшего возможность праздной жизни». Таким образом, упреки Добролюбова сводились к обвинению Герцена и других «лишних людей» в бездействии. Особенно актуальным это оказалось в контексте 1860-х гг. Если Герцен оставался верен программе «Колокола», обозначенной еще в 1857 г., которая сводилась к обличительной и просветительской деятельности, то революционные демократы, лидерами которых были Добролюбов и Чернышевский, стремились начать реальную революционную деятельность. Это стало одной из причин, по которым Герцен к концу 1860-х гг. перестал быть востребован как среди либералов (ключевую роль в этом вопросе сыграло польское восстание 1863 г.), так и среди русских революционеров.

Таким образом, термин «прогрессист» использовался Катковым, а также другими умеренными общественно-политическими деятелями 1860-х гг.¹¹⁴ для обозначения «врагов» царского правительства. При этом большинство русской общественности не видели разницы между Герценом и революционными демократами 1860-х гг., характеризуя их всех как «прогрессистов».

Поворотным моментом в появлении возможности обсуждать идеи Герцена, а также печатно отвечать на статьи, публикуемые в «Колоколе», стал 1862 г. Выше уже упоминалось, что правительство на фоне «постоянных революционных ожиданий» было обеспокоено широким распространением герценовских изданий в России. Однако ключевую роль, по мнению М.К. Лемке, в этом вопросе сыграл «протест 106 офицеров», направленный против телесных наказаний и опубликованный в «Северной пчеле». После публикации «протеста» А.В. Головнин и Н.А. Милютин предприняли меры по скорейшему изъятию текста «протеста» из печати, после чего, по мнению Лемке, правительство окончательно убедилось в необходимости принимать реальные меры по борьбе с влиянием Герцена. Все подобные явления, которые интерпретировались как потенциально опасные и подрывающие основы государственного строя империи, связывались с дурным влиянием, которое Герцен оказывает на русское общество: «офицеры были окрещены нигилистами, а весь нигилизм шел из-за границы»¹¹⁵.

Существовало несколько проектов по борьбе с влиянием «Колокола». Например, В.А. Цезь, возглавлявший петербургский цензурный комитет, друг и единомышленник Головнина, в своем докладе министру народного просвещения предложил меру, которая казалась ему наиболее эффективной: «разрешить нашей печати возражать на статьи «Колокола» и при этом выразить надежду, что наша печать сумеет разоблачить те крайние увлечения,

---

¹¹⁴ А.В. Никитенко в дневнике, в записи 14 апреля 1862 г., критикуя революционное движение в духе охранительства за его разрушительный характер, называет русских революционеров «ультрапрогрессистами». См.: Никитенко А.В. Указ. соч. С. 268-269.

¹¹⁵ Лемке М.К. Указ. соч. С. 139-140.

... которыми изобиловала газета Герцена»¹¹⁶. Это послужило причиной появления брошюры, написанной агентом III отделения Ф.И. Фирксом, более известным под псевдонимом Д.К. Шедо-Ферроти.

Его отношения с Герценом начались в августе 1861 г., когда Шедо-Ферроти напечатал свою первую брошюру, посвященную Герцену. Шедо-Ферроти восхищался умственными способностями и писательским талантом издателя «Колокола» и поэтому советовал Герцену попытаться «убедить правительство в необходимости дальнейших реформ и изменении законов, сохраняя неприкосновенным монархический строй»¹¹⁷. На эту брошюру барона Фиркса Герцен ответил ему частным письмом 22 августа 1861 г., в котором он повторил некоторые основы своей политической программы, которую Герцен проводил в своем «Колоколе»: «Мне кажется, что вы принимаете петербургское правительство за чрезвычайно прочное – и строите на нем систему улучшений и прогрессов, - а оно не простоит и десяти лет, если пойдет путем флигель-адъютантских митральез, польских учреждений на монгольский манер и пр.»¹¹⁸. В этом же письме Герцен удачно охарактеризовал главную причину своих идейных расхождений с Фирксом, из-за чего считал бессмысленным продолжать эту полемику: «О теориях – мы говорить не будем. Вы – более консерватор, чем Александр Николаевич. Я в ваших глазах, вероятно, краснее человека в скарлатине»¹¹⁹.

В октябре 1861 г. Герцен получил два письма, посланных через Бельгию, в которых содержались «дружеские» предупреждения о готовящейся физической расправе, якобы санкционированной III отделением. Об этом Герцен писал И.С. Тургеневу в письме от 12 октября 1861 г.: «Я получил после ругательных писем – два письма дружеских, в которых меня просят: А) не выезжать из Лондона, В) что III отделение хочет меня уничтожить – и что это

---

¹¹⁶ Там же. С. 142.

¹¹⁷ Герцен А.И. По делу Брутов и Кассиев III отделения // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 402-403.

¹¹⁸ Герцен А.И. Д.К. Шедо-Ферроти (Ф.И. Фирксу). 22 (10 августа) // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1963. Т. 27. С. 173.

¹¹⁹ Там же. С. 172.

очень серьезно»¹²⁰. Герцен решил отреагировать на это в «Колоколе» открытым письмом к русскому послу в Лондоне Ф.И. Бруннову (это письмо вызвало широкий общественный резонанс и обсуждалось в европейских газетах, в частности в бельгийском «Le Nord»¹²¹), названном «Бруты и Кассии III отделения». Герцен специально придал этот инцидент широкой огласке и в типичной для него манере использовал «дружеские» письма для того, чтобы высмеять высокопоставленных государственных сановников (обличительная составляющая, которая была направлена против «произвола» российских властей, постоянно присутствует в статьях Герцена 1860-х гг.; в этом он видел одно из назначений бесцензурного «Колокола»): «Кто хочет меня убить? По чьему приказу? Обвинение, естественно падает на государя. Я не верю, чтоб он это приказал... Кто же? Шувалов? Письмо прямо указывает на III отделение... может, это тот случай дал Шувалову преувеличенное понятие о всемогуществе III отделения... пожалуй, что и он...»¹²².

В ответ на это открытое письмо Герцена барон Фиркс ответил в письме от 29 октября 1862 г. с просьбой опубликовать его в «Колоколе». Герцен ответил публичным отказом в статье «По делу Брутов и Кассиев III отделения». Герцен еще раз повторил свою мысль о том, что он больше не верит в реформаторский потенциал императорского правительства, из-за чего считал неуместным печатать письмо, в котором его призывают помогать правительству Александра II. Это послужило причиной, по которой в конце 1861 г. в Берлине была издана знаменитая брошюра Шедо-Ферроти, в которой были опубликованы также статьи Герцена «Бруты и Кассии III отделения» и «По делу Брутов и Кассиев III отделения». Несмотря на то, что брошюра была напечатана в Берлине и под псевдонимом (по аналогии с работой Елагина) Шедо-Ферроти, в 1862 г. она была допущена к распространению в России. Таким образом, данная публикация стала первым произведением,

---

¹²⁰ Там же. С. 185.

¹²¹ Герцен А.И. Бруты и Кассии III отделения // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 388.

¹²² Там же. С. 154-155.

пропущенной цензурой, в которой было возможно высказать свое отношение к Герцену и его публицистике.

В советской историографии такое явление, как легальное распространение в России брошюры барона Фиркса, объяснялось государственным заказом царского правительства, главная цель которого сводилась к необходимости «разоблачить» Герцена в рамках борьбы против нелегальной печати. При этом в качестве главного инициатора этой кампании традиционно фигурирует А.В. Головнин. Современный историк А.Д. Бадалян считает, что инициатором подобной кампании был не Головнин и Цэе, а министр внутренних дел Валуев. Автором данного мифа, по мнению Бадаляна, стал М.К. Лемке, которым первым стал утверждать, что автором данной кампании против Герцена стал именно министр народного просвещения, что впоследствии укоренилось в советской историографии. Бадалян ссылается на записку Цэе, представленную им Головнину 27 мая 1862 г. Из этой записки следует, что Цэе и Головнин предлагали более либеральную программу борьбы с герценовскими изданиями, считая наиболее эффективным «постепенно и неуклонно удовлетворить законные и справедливые желания общества» (в данном контексте речь идет о потребности в свободной печати) и «твердое направление современной литературы»¹²³. Заслуга Головнина в этом вопросе, по мнению Бадаляна, сводилась к тому, что он обратил внимание правительства на брошюры Шедо-Ферроти¹²⁴.

Подобное мнение Министра народного просвещения также можно объяснить тем, что Головнин, как один из сторонников великого князя Константина Николаевича, которого считали человеком «либеральных» взглядов (за его либерализм его активно критиковали в ходе польского восстания за слишком «мягкий» курс его подавления), действительно придерживался несколько других взглядов, нежели П.А Валуев. Об этом в

---

¹²³ Бадалян А.Д. Журналист, общественное мнение и власть: издания М.Н. Каткова В «царских обозрениях» 1860-1866 г. // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. С. 94-95.

¹²⁴ Там же.

дневнике пишет Никитенко, который, будучи цензором и публицистом, принимал активное участие в осуществлении цензурной политики. После утверждения Указа от 10 марта 1862 г., по которому было упразднено Главное управление цензуры, цензурные учреждения перешли в ведение Министерства народного просвещения, а надзор за соблюдением цензурных постановлений перешел под контроль министерства внутренних дел. Никитенко отмечал в своем дневнике, что Валуев, который выступал за превращение цензурной политики из «предупредительной в карательную», был рад, что цензура «перешла в его руки»¹²⁵. Аксаков в 1860-х гг. отмечал, что еще никогда цензура не носила такого «инквизиционного» характера, как это было при Валуеве¹²⁶. Особое внимание современников привлекали «Временные правила» от 12 мая 1862 г. и «Особые направления» к ним, по которым в периодической печати запрещалось «касаться важнейших вопросов жизни, если они освещаются не с правительственных позиций»¹²⁷.

В своей вышеупомянутой брошюре Шедо-Ферроти критикует Герцена и его публицистику по нескольким направлениям. Одной из главных целей брошюры являлось стремление «разоблачить» самолюбие и тщеславие Герцена, из-за которых издатель «Колокола» думал, что он представляет настолько большую угрозу для русского правительства: «Вы сразу поняли какую огромную пользу Петербургское правительство может извлечь из вашей смерти. Вы поняли политическую необходимость убить Вас, и поэтому не усомнились что оно действительно решилось посягнуть на Вашу жизнь»¹²⁸. Открытое письмо Герцена к русскому послу в Лондоне Шедо-Ферроти интерпретировал как «претензию слыть за особу европейской важности». В этом контексте, по мнению Шедо-Ферроти, Герцен ставит себя в один ряд с европейскими монархами. Объясняя мотивацию политических террористов, Шедо-Ферроти делает вывод, что они решаются на убийство монарха, так как

---

¹²⁵ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 262.

¹²⁶ Валуев П.А. Указ. соч. С. 39.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Письмо А.И. Герцена к русскому послу... Указ. соч. С. 12.

считают, что подобная мера кардинальным образом поменяет вектор дальнейшего развития страны: «Вы допускаете, что для него (для русского правительства) существуют такие причины, что через Вашу смерть, дела в России столько же изменятся, как во Франции, Австрии и Пруссии изменилось бы через убийство царствующих там особ»¹²⁹.

Еще одно направление критики сводится к «деспотичности» Герцена, который отступил от своих принципов 1850-х гг., отказавшись печатать в «Колоколе» адресованное ему письмо Шедо-Ферроти. Сравнивая Герцена образца 1862 г. с Герценом 1850-х гг., Шедо-Ферроти приходит к выводу, что издатель «Колокола», который раньше был «честным человеком» и «замечательным по таланту литератором», «ныне видит себя преобразователем России, не боящимся кинжалов III отделения», который больше не может напечатать мнения, «противоположные его убеждениям»¹³⁰. Поэтому «Колокол», по мнению Шедо-Ферроти, из органа, пропагандирующего свободу печати, превратился в «орудие личных видов, органом партии беспорядка и насилия, партии демократического терроризма, замышляющей управлять Россией самым деспотичным образом»¹³¹. При этом Шедо-Ферроти, видимо, сознательно искажает идейную направленность «Колокола», так как Герцен соглашался печатать только те материалы, которые, способствуют его делу социально-политической пропаганды (это тесно связано с феноменом «персонального журнализма»).

Брошюра Шедо-Ферроти также содержит необоснованные нападки на монархически-деспотические наклонности Герцена, которые основываются на используемых им речевых оборотах. По мнению Шедо-Ферроти, «либерал» или «социалист-республиканец» (при этом интересно, что Шедо-Ферроти причисляет Герцена к обоим этим, противоречащим друг другу, направлениям политической мысли) не может использовать в названиях своих статей имена

---

¹²⁹ Там же. С. 13.

¹³⁰ Там же. С. 28-29.

¹³¹ Там же. С. 41.

Брута и Кассия, а также не имеет права сравнивать себя с Александром II, используя фразу «я бы не сделал этого ни в коем случае, если бы был на вашем месте»¹³².

Главным с точки зрения исследовательского интереса в брошюре Шедо-Ферроти является критика идейной направленности Герцена. Шедо-Ферроти, как защитник самодержавного строя, считает, что публицистическая деятельность Герцена несет разрушительный характер. Это выражается в том, что Шедо-Ферроти фактически обвиняет Герцена в трусости: «В настоящее время нужно более смелости на то, чтобы защищать правительства нежели на то, чтобы безусловно порицать их действия. Кто теперь этого не делает? Кричи, что все скверно, и прослывешь либералом...»¹³³ (это соответствует тому, что Катков писал о моде на политические убеждения, о чем уже упоминалось выше). Подобное смешение характеристики политических позиций оппонента с его нравственными качествами было характерной чертой XIX в., как «века идеологий», когда философские или политические расхождения могли стать веской причиной для прекращения дружеских отношений, так как заставляли сомневаться в умственных способностях и моральных качествах человека. В этом контексте ярким примером можно считать реакцию Герцена на работу Кавелина «Дворянство и освобождения крестьян», которая стала причиной «разрыва» между двумя друзьями.

Брошюра Шедо-Ферроти вызвала существенный резонанс в России. В то время как большинство российской общественности солидаризировалась со идеями, заложенными в брошюре (хотя некоторые остались недовольны излишне резкими выражениями барона Фиркса), были и те, кто решительно осудили Шедо-Ферроти и выступили в защиту Герцена. Например, Д.И. Писарев, которого можно охарактеризовать как представителя революционной демократии 1860-х гг., в своей работе «Статья-прокламация

---

¹³² Там же. С. 31-32.

¹³³ Там же. С. 33.

против Шедо-Ферроти»¹³⁴. Помимо последовательной критики Шедо-Ферроти за «неумение» опровергать идеи Герцена, Писарев делает радикальный вывод о том, «низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляют единственную цель и надежду всех честных граждан»¹³⁵. Следовательно, Писарев связывает охранительные взгляды Шедо-Ферроти не только с его глупостью (так как умный человек не может, по мнению Писарева, разделять подобные взгляды), но и с безнравственностью, что вполне вписывается в то, как проходили политические дискуссии в России 1860-х гг.

Таким образом, в брошюре Шедо-Ферроти были обозначены некоторые направления критики публицистики Герцена, которые впоследствии предопределили интерпретацию герценовского творчества русской консервативной общественностью. Однако ключевую роль в этом вопросе сыграл не барон Фиркс, несмотря на то, что его брошюра стала первым упоминанием Герцена в подцензурной печати (после публикации данной брошюры 21 апреля 1862 г. в «Вятских губернских ведомостях» была напечатана речь Герцена, произнесенная им во время открытия вятской библиотеке в 1837 г., в чем Герцен принимал активное участие, находясь в ссылке¹³⁶), а Катков, которого Котов небезосновательно назвал «самым влиятельным русским публицистом XIX столетия»¹³⁷. Катков, по меткому замечанию Бадаляна, отличался прагматикой не только в своих политических воззрениях, но и в своем отношении к общественному мнению, к которому Катков относился не восторженно как Константин Аксаков, а как к «сложному инструменту», который можно выработать и направлять»¹³⁸. Став одним из

---

¹³⁴ Писарев Д.И. Статья-прокламация против Шедо-Ферроти // Писарев Д.И. Литературно-критические статьи. Избранные. М., 1940 [электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0300.shtml/ (дата обращения 01.05.2020).

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Лемке М.К. Указ. соч. С. 149.

¹³⁷ Котов А.Э. «Царский путь». Указ. соч. С. 11.

¹³⁸ Бадалян А.Д. Указ. соч. С. 113.

главных российских публицистов в ходе польского восстания 1863 г., когда тираж его «Московских ведомостей» достиг 12 тысяч экземпляров¹³⁹, Катков внес решающий вклад в формирование охранительного направления в России. Однако его активный путь к статусу «государственного деятеля без государственной должности»¹⁴⁰ во многом начался с его полемики с Герценом 1862 г., которая стала возможна после допущения в России брошюры Шедо-Ферроти.

Во взглядах Каткова особый интерес как среди современников, так и среди исследователей вызывает его идейная эволюция, в рамках которой Катков проделал путь от либерала, который радовался смерти Николая I, до «гасителя» и «душителя»¹⁴¹. В 1840-х гг. Катков являлся членом кружка Станкевича, куда также входили Белинский и будущий идеолог анархизма Бакунин (а также видным членом кружка московских западников был и Герцен). Китаев подчеркивает, что взгляды Каткова в 1840-1850-х гг. можно охарактеризовать как западнические. Китаев отмечает, что сближение Каткова с П.М. Леонтьевым в 1847 г., будущим другом и единомышленником, с которым они вместе издавали «Московские ведомости» (П.М. Вишняков, один из учеников Московского Императорского лицея, основанного Катковым в 1868 г. в память об умершем старшем сыне Александра II, вспоминая свои лицейские годы, отмечал, насколько важным для Каткова был ежегодный выезд лицеистов на могилу Леонтьева¹⁴²) произошло на почве общего увлечения философией Шеллинга¹⁴³.

На протяжении всех 1850-х гг. Катков хотел издавать собственный журнал. В 1853 г. он пытался уговорить Погодина передать ему журнал «Москвитянин». В 1855 г. Катков подал записку в министерство народного

---

¹³⁹ Там же. С. 109.

¹⁴⁰ Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. СПб., 2007.

¹⁴¹ Котов А.Э. «Царский путь». Указ. соч. С. 41.

¹⁴² Вишняков П.М. В катковском лицее. Записки старого пансионера (1875-1882). М., 1907. С. 44.

¹⁴³ Китаев В.А. Указ. соч. С. 50.

просвещения, в котором выразил свое желание издавать «Русский летописец». В 1855 г. Катков начинает издавать «Русский вестник». Китаев отмечает, что, начиная издание журнала, Катков рассчитывал на активную помощь Т.Н. Грановского, однако их сотрудничеству помешала неожиданная смерть последнего. В состав редакции «Русского вестника» вошли члены московского кружка западников, например, Е.Ф. Корш и П.Н. Кудрявцев, а в перечень сотрудников журнала также входили такие «классики» русского либерализма, как Чичерин и Кавелин¹⁴⁴. Таким образом, несмотря на тенденциозные заявления Твардовской о том, что Белинский еще в 1840-х гг. предвидел реакционные наклонности Каткова, которые он в письме к В.П. Боткину называл «москводушием», которое, по мнению Твардовской, «уступало» по-настоящему «передовым» взглядам самого Белинского и Бакунина¹⁴⁵, Каткова образца 1840-1850-х гг. можно охарактеризовать как носителя либеральной идеологии. Лемке отмечает, что Катков до конца 1850-х гг. входил в «Список литераторов и цензоров, находившихся под наблюдением ввиду неблагонадежности и связи с Герценом»¹⁴⁶. Катков даже приезжал к Герцену в Лондон в 1859 г.

Правение взглядов Каткова в конце 1850-х – начале 1860-х гг. выглядит вполне логичным в духе российских 1860-х гг. Христофоров отмечает, что на рубеже 50-60-х гг. XIX в. консерваторов действительно можно было охарактеризовать как противников либеральных реформ и либеральной программы вообще¹⁴⁷. Это выражалось в том, что консервативная часть дворянства видела в либеральных преобразованиях Александра II последовательную «антидворянскую и демократическую» политику правительства (из-за чего виновником всех бед признавалась бюрократия; немаловажную роль в этом сыграл тот факт, что ведущую роль в ходе крестьянской реформы сыграла как раз либеральная бюрократия), что

---

¹⁴⁴ Там же. С. 51-53.

¹⁴⁵ Твардовская В.А. Указ. соч. С. 18-19.

¹⁴⁶ Лемке М.К. Указ. соч. С. 7.

¹⁴⁷ Христофоров И.А. Указ. соч. С. 10.

спровоцировало целый виток дискуссий, где центральное место занимал так называемый дворянский вопрос¹⁴⁸. Например, размышления о судьбе дворянства после крестьянской реформы 1861 г. стали почвой для идеи о необходимости развития местного самоуправления (Христофоров отмечает, что эта программа была предложена «либеральной» частью дворянства, представителями которой были А.М. Унковский, А.Г. Шретер, А.И. Кошелев), что должно было предотвратить потенциальные революционные потрясения. Анализируя опыт Французской революции 1789-1799 гг., во время которой положение в столице изменило политическую систему во всей стране, «либеральная» часть дворянства пришла к необходимости децентрализации в виде самоуправления на местах, введения гласного суда и принципа разделения властей (интересно, что правительство в итоге осуществило похожий курс в рамках своих либеральных преобразований 1860-х гг.: в 1864 г. были проведены как земская, так и судебная реформы). Подобная программа предполагала добровольный отказ дворянства от своего исключительного статуса, однако помещики должны были сохранить свое доминирующее положение в обществе с опорой на свою образованность и обеспеченность собственностью¹⁴⁹.

В.Я. Гросул обращает внимание читателя на реакционный поворот в правительственном курсе, начавшийся в 1861 г., несмотря на проведение либеральных преобразований¹⁵⁰. Во многом это было вызвано последствиями крестьянской реформы, которые, вопреки ожиданию правительства, поспособствовали подъему массовых волнений. И.А. Желвакова приводит статистику, в соответствии с которой после объявления манифеста 19 февраля было зафиксировано неповиновение крестьян в 1176 имениях, что равняется числу крестьянских волнений за предыдущие 35 лет¹⁵¹ (например, расстрел крестьян в Бездне в Казанской губернии широко освещались Герценом на

---

¹⁴⁸ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 173.

¹⁴⁹ Там же. С. 143-144.

¹⁵⁰ Там же. С. 217.

¹⁵¹ Желвакова И.А. Указ. соч. С. 460.

страницах «Колокола»). Подобный курс усилился в 1862 г., когда прошло сразу несколько политических процессов. Помимо «Дела В.А. Обручева» и «Дела Н.Г. Чернышевского», был инициирован целый процесс, который был напрямую связан с деятельностью Герцена, что говорит об отношении правительства к деятельности издателя «Колокола». В 1862 г. было возбуждено «Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», также известное как «процесс 32-х». Подсудимым выступал, например, Тургенев, а центральная фигура процесса, Н.А. Серно-Соловьевич был осужден на пожизненную ссылку в Сибирь, где он и умер в 1866 г.

Подобному «реакционному повороту» способствовали не только крестьянские волнения после обнародования манифеста. В мае 1862 г. П.Г. Заичневским была написана прокламация «Молодая Россия», в которой впервые в российской истории «убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических изменений»¹⁵². Это традиционно считается началом развития идеи политического терроризма в России. Будницкий точно определил идейные и психологические основы «Молодой России», которые сводились к «юношескому максимализму» и утопичной вере в простоту решения вопроса о власти в России посредством убийства монарха, которое должно привести к краху всей политической системы¹⁵³. Точно так же характеризовал данную прокламацию Герцен. Во-первых, Герцен раскритиковал прокламацию за то, что она была совершенно «не русской» и характеризовал ее как «одну из вариаций на тему западного социализма, метафизики французской революции»¹⁵⁴. Во-вторых, Герцен сожалеет о распространении этой прокламации, которая, несмотря на то, что она не содержит в себе никаких «вредных» идей, навредила всему революционному делу, так как спровоцировала волну репрессий: «Итак, все

---

¹⁵² Будницкий О.В. Указ. соч. С. 30.

¹⁵³ Там же. С. 30-31.

¹⁵⁴ Герцен А.И. Молодая и старая Россия // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 203-204.

это страшное дело, поставившее Российскую империю и Невский проспект на край социального катаклизма..., сводится на юношеский порыв, неосторожный, несдержанный, но который не сделал никакого вреда и не мог сделать»¹⁵⁵.

Одновременно с распространением прокламации Заичневского в мае 1862 г. в Петербурге вспыхнули пожары, виновниками которых в условиях опасения революционных потрясений были признаны «зажигатели», то есть представители русского революционного движения. Это прекрасно понимал Герцен, когда выражал свое сожаление по поводу появления прокламации: «Вторая ошибка – ее неуместность: случайность совпадения с пожарами – усугубила ее»¹⁵⁶. Будницкий верно отметил, что «Молодая Россия» «сыграла на руку прежде всего реакционным элементам в правительстве и сторонником полицейско-репрессивных мер для подавления общественного мнения»¹⁵⁷. Эти события были тесно связаны с начавшейся в русской печати кампании против Герцена. В работах Д.К. Шедо-Ферроти, М.Н. Каткова, в дневниках А.В. Никитенко и П.А. Валуева подобные явления связывались с негативным влиянием произведений Герцена на русскую общественность.

В советской историографии освещение событий 1862 г. в русской прессе, а также начало открытой полемики с Герценом в русской печати, которое вписывается в формирование «нового типа» русского консерватизма, характеризовалось «рептильным» (в данном случае советская историография фактически повторяет за Герценом) характером русской прессы. В данном контексте русские публицисты, обвинявшие студентов и Герцена, который оказывал на них огромное влияние, в поджогах интерпретировались как исполнители воли русского правительства, которые стремились оправдывать репрессивную политику через прессу. Однако подобные общественные настроения имели более глубокие основания.

---

¹⁵⁵ Там же. С. 202.

¹⁵⁶ Там же. С. 203.

¹⁵⁷ Будницкий О.В. Указ. соч. С. 31.

А.В. Никитенко в дневнике отмечал прямую связь между появлением «Молодой России» и петербургскими пожарами¹⁵⁸. Поэтому Никитенко жаловался на «халатное» отношение правительства к этому вопросу, которое после начала распространения прокламации не усилило надзор, чтобы предотвратить пожары: «Удивительная беспечность правительства. Город в очевидной опасности, особенно после известных последних прокламаций. Не следовало бы учредить усиленные патрули и даже оцепить более опасные и подозрительные районы»¹⁵⁹. Подобные опасения русских консерваторов так же, как и русских либералов того времени, были основаны на явлении, которое Малиа характеризовал как «культуры постоянных революционных ожиданий».

Несмотря на неоднородность восприятия термина «революция» в России 1860-х гг., под которой могли понимать как «приготовительную работу мыслящего большинства», так и радикальные перемены, которые могут произойти и эволюционным путем, в основе данного понятия лежало разрушение «старого порядка»¹⁶⁰. Крушение «старого порядка» таким образом «вводит политический режим в пространство исторического времени». Поскольку любая власть предпочитает «конец истории» собственному концу, в России складывается отрицание любой революции¹⁶¹. Именно в таком ключе рассуждал Н.А. Любимов, который являлся одним из ближайших соратников Каткова. В своей серии очерков «Против течения» Любимов через сопоставление событий в России в 1870-1880-х гг. с событиями во Франции накануне 1789 г. пришел к выводу, что в России к 1880-м гг. уже началась

---

¹⁵⁸ Грань между консерватизмом и либерализмом в русской общественной мысли 1860-х гг. была условной, однако А.В. Никитенко в контексте 1860-х гг. стоит рассматривать больше как сторонника охранительного направления. Никитенко выступал за поступательные реформы, которые при этом не должны затрагивать основы самодержавного строя.

¹⁵⁹ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 275.

¹⁶⁰ Соловьев К.А. Н.А. Любимов против течения. Политическая философия контрреволюции // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. С. 359.

¹⁶¹ Там же.

революция¹⁶². Несмотря на то, что Любимов писал данное произведение в 1880-х гг., подобные идеи раскрывают одну из ключевых черт русской консервативной мысли, которая сводится к попытке не допустить революцию в России. Подобный ход мыслей был актуальным в русской консервативной общественности 1860-х гг.

Таким образом, в данном контексте отрицания революции как «политического апокалипсиса», которое усугублялось влиянием Герцена, петербургскими пожарами и распространением «Молодой России», а также в контексте необходимости выработать собственную программу, которая будет сочетать реформы с сохранением неприкосновенности самодержавного строя, и появился консерватизм «нового типа», о котором писал Гросул. Ключевой фигурой в становлении «нового» охранительного направления стал Катков. В этом контексте правление взглядов Каткова выглядит логичным. Как человек, который считал государство «единственным субъектом истории» и единственным выразителем «народной политики», Катков в начале 1860-х гг., когда, по его мнению, было особенно необходима консолидация общественных сил вокруг правительства в условиях радикальных преобразований (это будет одно из направлений критики Герцена и его идей), встал на защиту самодержавия в России. Именно с этих позиций Катков критиковал публицистику Герцена в своих работах 1862 г.

В своей программной статье «К какой партии мы принадлежим?»¹⁶³ Катков заложил несколько направлений критики Герцена и его идей, который останутся актуальными не только для консервативной, но и, во многом, для либеральной общественности после 1863 г. Катков обвиняет Герцена в утопичности его идей, которые представляют из себя лишь «страшные слова, которые в устах произносящих не имеют никакого жизненного значения»¹⁶⁴. Подобная идея Каткова основывается на том, что, по его мнению, в России

---

¹⁶² Там же. С. 360.

¹⁶³ Катков М.Н. К какой партии мы принадлежим? // Русский вестник. 1862. Т. 37. № 2. С. 832-844.

¹⁶⁴ Там же.

еще не сложилась реальная политическая жизнь: «У нас есть слово и нет дела, и все наши исты – существа воображаемые, призраки, слова и слова, которым ничто в действительности не соответствует»¹⁶⁵. Таким образом, Катков критикует Герцена за то, что его идеи оторваны от русской действительности. Это вызвало особое негодование Герцена, который был оскорблен тем, что Катков, говоря об отсутствии в России политической жизни, обесценил жертв политических репрессий в России. В своей статье «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (уже в названии Герцен, усиливая полемический эффект, подчеркивает, что Катков якобы связан с царским правительством) Герцен приводит в пример Михайлова, осужденного в 1862 г.: «И это было сказано в 1862 г., когда Михайлов, скованный шел в Иркутск..., когда весь русский народ заявил еще раз свое право на землю...»¹⁶⁶.

По мнению Каткова, по-настоящему «прогрессивное» направление (а Катков характеризует Герцена так же, как и деятелей русского революционного движения, как прогрессистов) может быть только консервативным. Подобная идея Каткова основана на том, что любое общество имеет «основу», «без которой прогресс обратится в воздушную игру теней»¹⁶⁷. Следовательно, по Каткову любое улучшение может происходить только на «основании существующего». Из этого Катков делает вывод о разрушительно-утопичном характере воззрений Герцена, который, будучи «прогрессистом» (в данном контексте социалистом), выступает за смену старого мира, который Герцен связывает с сохранением таких пережитков, как элементы феодализма, самодержавие, доминанта религии в общественной жизни и др., новым более справедливым миром. Подобную систему взглядов Катков характеризует как нежелание заниматься реальными политическими делами, так как воссоздать «новое из ничего», по Каткову, невозможно.

---

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Герцен А.И. Сенаторам и тайным советникам журнализма // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 91.

¹⁶⁷ Катков М.Н. К какой партии мы принадлежим? // Русский вестник. 1862. Т. 37. № 2. С. 832-844.

Катков развивает эту мысль на примере критики анархизма, суть которого сводится к уничтожению института государства. По мнению Каткова, задача прогресса сводится не к уничтожению тех или иных общественных начал, а к тому, чтобы направить развитие этих начал в правильное русло. Следовательно, государство, которое отличает излишняя «централизация, вмешательство, стесняющее и убивающее жизнь», справедливо вызывает критику и недовольство, однако идея, в соответствии с которой прогресс общества сводится к избавлению от института государства, кажется Каткову глупой. Глупость данной теории, по Каткову, основывается на том, что государственное начало, против которого выступает общество, не может быть искоренено, так как «свободное общество во всем составе своем превратится в то самое начало, от которого думало освободиться; оно само будет государством, и государством тем худшим, что государство будет в нем все во всем, не давая ничему свободного существования и на все налагая свою печать»¹⁶⁸.

Таким образом, Катков выводит идею о том, что в обществе есть определенные «естественные начала и законы», на которых оно основывается и от которых оно не может отказаться. Одной из таких базовых основ для России Катков считает самодержавие: «вырвите с корнем монархического начало, оно возвратится в деспотизм диктатуры; уничтожьте естественный аристократический элемент в обществе, место его не будет пусто, оно будет занято или бюрократами, или демагогами, олигархами самого дурного свойства»¹⁶⁹. То, что Катков называет «истинным консерватизмом» (естественно, что Катков считает себя сторонником именно «истинного консерватизма»), должно основываться на глубоких естественных началах общества, а не на формах их проявления, которые Катков называет «поверхностными». Главным условием, при котором в обществе могут проявляться подобные естественные начала, Катков считает «правильное

---

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

государство», которое является «центром народной жизни»¹⁷⁰. Отталкиваясь от этой идеи Каткова о том, что «народная жизнь» не может существовать без государства, Котов охарактеризовал политические взгляды Каткова как «бюрократический национализм»¹⁷¹.

Эти же идеи Катков, но уже в более эмоциональной форме, развивает в своей другой программной статье, направленной против Герцена, «Заметка для издателей «Колокола»»¹⁷². В данной статье Катков вновь возвращается к идее «естественных начал», на которых должно основываться свободное общества. Чтобы показать, что идеи Герцена несут в себе деструктивный посыл, Катков сравнивает его с деятелем итальянского объединения Джузеппе Мадзини. По мнению Каткова, в основе программы Мадзини лежат «естественные начала», органичные для итальянского общества: «Наш остряк не сообразил, что в Мадзини была положительная, а не фантастическая народная сила; он забыл, что у итальянского агитатора написано на знамени: Бог и народ...»¹⁷³.

В этом же контексте Катков обвиняет Герцена не только в глупости, называя одно из главных произведений Герцена «С того берега» «социалистическими бреднями»¹⁷⁴, но и в безнравственности, отвечая на статью Герцена «Тайным советникам журнализма». В данной статье, критикуя Каткова за его слова о том, что в России нет политической жизни (Катков использовал словосочетание «играть в политику»), Герцен писал: «Постоянная, вечная игра! Прежде (вероятно, во времена Станкевича, Белинского, Бакунина) играли в философские партии, теперь играют в политические партии (Михайлов? Обручев? Высланные студенты? Убитый

---

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Котов А.Э. Указ. соч. С. 56.

¹⁷² Катков М.Н. Заметка для издателей «Колокола» // Русской вестник. 1862. Т. 39. С. 834-852 [электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_zametka_dlya_izdatelya.html/ (дата обращения 26.04.2020).

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

Лебедев? 13 мировых посредников в казематах?)»¹⁷⁵. Если Герцен считает главным виновником политических репрессий правительство, которое не предоставляет свободу печати и легального поля для активного участия в политической жизни, то Катков винит в репрессиях Герцена, чьи произведения имеют «отравительный» эффект на русское общество, в особенности на молодое поколение: «Он забыл, что его писания расходятся по свету, что сам же он принимает детальные меры к распространению их, что они как запрещенная вещь читаются с жадностью и как запрещенная вещь не встречают себе никакого отпора в беззащитных, незрелых и расстроенных умах»¹⁷⁶. Следовательно, Катков в этом же контексте открыто называет Герцена ответственным за распространение в России прокламации «Молодая Россия»: «Ему ничего, - пусть прольется кровь этих юношей фанатиков!... Пусть прольется их кровь, он прольет о них слезы!»¹⁷⁷.

Таким образом, в этих двух статьях Катков определил основные направления критики Герцена и его идей. Во-первых, отталкиваясь от различий своих политических программ, и Катков, и Герцен питают друг к другу взаимную неприязнь, сомневаясь в интеллектуальных способностях друг друга (что было характерно для XIX в.). Катков, называя идеи Герцена «социалистическими бреднями», настаивает на утопичности взглядов Герцена, которые оторваны от российской действительности. Во-вторых, Катков активно критикует Герцена за его радикальность. В этих статьях 1862 г. Катков охарактеризовал идеи Герцена как разрушительные (впоследствии это будет активно использоваться в русской печати на протяжении всех 1860-х гг.). В этом контексте Катков делал акцент на социалистической направленности программы Герцена, которая подразумевает построение нового мира. При этом Катков не делал никакого различия между Герценом и

---

¹⁷⁵ Герцен А.И. Сенаторам и тайным советникам журнализма // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 91.

¹⁷⁶ Катков М.Н. Заметка для издателей «Колокола» // Русской вестник. 1862. Т. 39. С. 834-852.

¹⁷⁷ Там же.

представителями российского революционного движения 1860-х гг. Например, в одной из статей Каткова, посвященных польскому восстанию, Герцен фигурирует как член «лондонского триумvirата»¹⁷⁸, в который также входили Огарев и Бакунина. Таким образом, Катков не делал различий между Герценом и гораздо более радикально настроенным Бакуниным. В-третьих, одним из главных направлений критики публицистики Герцена для Каткова являлась безнравственность Герцена (что также характерно для идейных споров XIX в.). Российская общественность вслед за Катковым будет считать Герцена ответственным за политические и социальные катаклизмы в России: с именем Герцена связывалось распространение «Молодой России», пожары в Петербурге, польское восстание 1863 г., а также покушение Д.В. Каракозова и т.д.

1.2. Польское восстание 1863 г.

Польское восстание 1863 г. сыграло важную роль в формировании русского национализма. Этот процесс удачно охарактеризовал А.А. Тесля, который отмечал, что до 1863 г. центральная власть так же, как и российская общественность, не уделяла особого внимания проблеме местных национализмов. Это выражалось, например, в том, что М.Н. Катков в 1850-х гг. активно помогал украинофилу Н.И. Костомарову в «Русском вестнике», а редакция славянофильского журнала «Русская беседа» старалась угодить лидеру тогдашнего украинофильства П.А. Кулишу, выражая желание печатать его повести в своих изданиях¹⁷⁹. События 1863 г. стали первой реальной угрозой для территориальной целостности Российской империи, в результате чего сформировался так называемый «оборонительный национализм»¹⁸⁰. Главную роль в формировании этого направления сыграл Катков, который первым публично осудил восставших поляков в условиях угрозы потери

---

¹⁷⁸ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863. М., 1897. С. 606-607.

¹⁷⁹ Тесля А.И. Первый русский национализм. Указ. соч. С. 35.

¹⁸⁰ Там же. С. 36.

территорий, став тем самым голосом «безмолвствующего большинства»¹⁸¹. Это обусловило стремительный рост популярности Каткова и его «Московских ведомостей» во время польского восстания, которое вызвало широкий резонанс как в России, так и в Европе. Русское общество восприняло события 1863 г. не как «бунт» (так как бунтуют крестьяне) и не как «гражданскую войну», а как «национальное восстание» (что придавало событиям особую серьезность) в одной из провинций империи, о чем писал И.С. Аксаков в одном из февральских выпусков газеты «День»: «Даже по внешним признакам настоящее движение заслуживает самого серьезного нашего внимания как имеющее в себе все элементы национального восстания. Это не просто мятеж или бунт»¹⁸².

Обеспокоенность русской общественности по поводу событий в Польше усугублялась серьезными опасениями по поводу возможного начала общеевропейской войны. П.А. Валуев в записке с предложением реформирования Государственного совета писал о необходимости определенных уступок восставшим полякам во избежание европейской войны, к которой Россия, по мнению военного министра Д.А. Милютина, была не готова¹⁸³. В таком же ключе характеризовал общественные настроения во время восстания А.В. Никитенко. Запись в дневнике от 1 апреля 1863 г. передавала слухи о том, что «Европа принимает в отношении к нам вид все грознее и грознее». Намерения императора Франции Наполеона III, которые сводились к желанию «уничтожить Россию», Никитенко характеризовал как «хитрейшие и бесстыднейшие»¹⁸⁴. В конце мая Никитенко записал в дневнике, что слухи о начале европейской войны почти утихли, однако «все уверены в ее неизбежности»¹⁸⁵. Таким образом, угроза войны обусловила особую

---

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Левинсон К.А. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года // Гефтер. 2014 [электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/12465/> (дата обращения 01.05.2020).

¹⁸³ Валуев П.А. Указ. соч. С. 34.

¹⁸⁴ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 323.

¹⁸⁵ Там же. С. 336.

обеспокоенность русского правительства и общества и с особой остротой поставила необходимость решения национального вопроса.

А.А. Тесля отмечает, что для Каткова определяющим критерием принадлежности к той или иной нации является «культура»¹⁸⁶. Это же подчеркивает А.Э. Котов, сравнивая взгляды Каткова с воззрениями Ф.М. Достоевского. Для Достоевского, который сам называл себя почвенником, так же, как для славянофилов, главным критерием национальной идентичности выступало вероисповедание. Катков, в отличие от Достоевского, который полагал, что не православный не может быть русским, «был готов признать русским любого российского подданного, в том числе католика, протестанта и иудея»¹⁸⁷. В этом контексте Катков уподоблял подавление польского восстания победе Севера над Югом в ходе Гражданской войны в США 1861-1865 гг.¹⁸⁸ Следовательно, ключевая идея Каткова в контексте событий 1863 г. сводится к необходимости сохранить территориальное единство Российской империи, а также не допустить дальнейших «национальных восстаний», что Левинсон охарактеризовал как «страх за империю»¹⁸⁹. Подобная основа взглядов Каткова по национальному вопросу стала причиной резкой критики Герцена, который открыто поддержал восставших поляков.

Решение польского вопроса, предложенное Катковым, основывается на историческом прошлом русского и польского народов. В своей программной статье «Польский вопрос»¹⁹⁰ Катков отмечает, что «независимая Польша не могла ужиться с самостоятельной Россией», так как противоречия между двумя странами сводились не к вопросу о том, «кому из них первенствовать или кому быть могущественнее», «а о том, кому из них существовать»¹⁹¹. По

---

¹⁸⁶ Тесля А.А. Первый русский национализм. Указ. соч. С. 36.

¹⁸⁷ Котов А.Э. Царский путь. Указ. соч. С. 60-61.

¹⁸⁸ Там же. С. 82.

¹⁸⁹ Левинсон К.А. Указ. соч.

¹⁹⁰ Катков М.Н. Польский вопрос // Русский вестник. 1863. Т. 43. № 1. С. 471-482

[электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_polskiy_vopros.html/ (дата обращения 12.03.2020).

¹⁹¹ Там же.

мнению Каткова, подобные отношения между поляками и русскими остаются актуальными и на момент 1863 г. Это выражается в требовании, выдвинутом восставшими поляками, которое сводится к восстановлению независимой Польши в границах 1772 г., что подразумевало включение в состав Польши Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Апеллируя к этому требованию, Катков на страницах своих изданий постоянно отстаивает идею невозможности отделения Польши от России: «Им недостаточно простой независимости, они хотят преобладания...; Им недостаточно быть поляками; они хотят, чтоб и русский стал поляком, или убрался за Уральский хребет»¹⁹².

Герцен же наоборот еще в 1861 г. характеризовал нахождение Царства Польского в составе Российской империи как «неправое царское притязание»¹⁹³. В этом контексте Герцен выступает критиком государств-империй. По мнению Герцена, нахождение Польши в составе империи «лишь увековечивает ненависть». В подтверждение этой идеи Герцен приводит в пример Ломбардию и Венгрию, которые, находясь внутри империи Габсбургов, не стали австрийскими, так же, как Польша и Финляндия «не сделались русскими»¹⁹⁴. Из этого Герцен делает вывод о том, что сильная и независимая Польша, как союзник России, «гораздо выгоднее, чем Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая»¹⁹⁵.

К.А. Левинсон справедливо отмечает, что Центральный национальный комитет Польши, руководивший восстанием, прекрасно осознавал утопичность этого требования при сопоставлении сил сторон. Более того, даже так называемая «левая партия красных», состоявшая преимущественно из мелкого шляхетства, студенчества и офицерства и принимавшая наиболее активно участие в восстании, не считала этот лозунг основным в своей политической программе¹⁹⁶. Интересно, что Катков в своих статьях не

---

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Герцен А.И. *Vivat Polonia!* // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 15. С. 46.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. С. 48.

¹⁹⁶ Левинсон К.А. Указ. соч.

объясняет, почему поляки оказались в таком ничтожном положении к 1860-м гг., а также почему русский и польские народы обречены на вечную вражду друг с другом. Таким образом, Катков эксплуатировал эту тему для усиления полемического эффекта, который должен был способствовать консолидации общественных сил вокруг царского правительства. Левинсон, отмечая «диктаторский тон» статей Каткова, справедливо объясняет это спецификой публицистики и желанием редактора «Московских ведомостей» убедить читателей в своей правоте¹⁹⁷.

Отталкиваясь от невозможности мирного сосуществования независимых России и Польши, Катков выступает за скорейшее подавление польского восстания. В этом контексте он активно критикует великого князя Константина Николаевича, наместника в Царстве Польском, за его слишком «либеральный» и недостаточно жесткий курс в вопросе борьбы с восставшими поляками. Отвечая на упреки русского правительства в жестокости¹⁹⁸, Катков отвечал, что скорейшее подавление восстания пойдет на пользу как русским, так и полякам. Поскольку сроки окончания восстания напрямую зависели от мер, предпринимаемых русским правительством и армией, Катков активно приветствовал все репрессивные меры, направленные на подавление восстания: «Чем больше войск, тем больше пунктов будет усмирено...»¹⁹⁹.

Эту же позицию разделяли П.А. Валуев и А.В. Никитенко. Валуев 17 августа 1863 г. на страницах своего дневника охарактеризовал Константина Николаевича как «жалкого и бестолкового» человека из-за своих «детских» попыток доказать свою состоятельность в деле подавления восстания²⁰⁰. В таком же ключе Никитенко обвинял великого князя, который «позволил полякам оскорблять русских»²⁰¹. Выступая как сторонники более жестких мер,

---

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Скорее всего, в данном контексте Катков отвечает в первую очередь Герцену, который на протяжении 1860-х гг. выступал одним из главных критиков правительственной политики в отношении Царства Польского.

¹⁹⁹ Катков М.Н. Передовые статьи Московских ведомостей. 1863. М., 1897. С. 136.

²⁰⁰ Валуев П.А. Указ. соч. С. 244.

²⁰¹ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 328-329.

Катков и Никитенко открыто радовались назначению на пост виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева «Вешателя» в мае 1863 г. По мнению Никитенко, Муравьев оказался наиболее эффективным в условиях военного положения. 8 июня 1863 г. Никитенко записал в дневнике, что благодаря репрессивной политике Муравьева восстание в вверенных ему губерниях было почти прекращено²⁰².

Назначение Муравьева поддержало большинство русской общественности. Однако это породило споры о том, насколько долго должна сохраняться военная диктатура на территории Царства Польского. По мнению В.А. Твардовской, братья Н.А. и Д.А. Милютины и князь В.А. Черкасский под предводительством Каткова выступали за длительное сохранение военной диктатуры в Польше с целью ее дальнейшей «слияния с Россией»²⁰³. П.А. Валуев и А.В. Головнин наоборот считали, что миссия Муравьева, назначенного на пост генерал-губернатора в мае 1863 г., к августу уже была выполнена. При этом Валуев в одном из своих писем к Каткову характеризовал Муравьева как деятеля, неспособного к созидательной работе: «Муравьев разрушил препятствие, разравнял почву, но не возвел здания, и по своему типу к возведению не способен»²⁰⁴. Герцен воспринял назначение Муравьева крайне эмоционально, назвав его «палачом». В своей знаменитой статье «Россиада» Герцен сделал неутешительный вывод о том, что Россия не сможет идти по пути реформ и прогресса, пока у власти будут оставаться такие люди, как Муравьев²⁰⁵.

Несмотря на противоречия, связанные с фигурой Муравьева на посту виленского генерал-губернатора, Катков и Валуев похоже смотрели на путь решения польского вопроса через определенные уступки Польши ради поддержания политической стабильности. Валуев, как уже отмечалось выше, выступал за превращение Государственного совета в выборный

---

²⁰² Там же. С. 339.

²⁰³ Твардовская В.А. Указ. соч. С. 34.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Герцен А.И. Концы и начала // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 155.

законосовещательный орган власти, который должен был упрочить доверие между властью и народом. Катков выдвигал похожую идею, по которой к членам Государственного совета, Синода и Сената должны были присоединиться губернские представители дворянства, выходцы из нескольких дворянских родов, которые проходили бы высокий имущественный ценз (до 10 тысяч душ). При этом Катков отмечал, что подобные политические привилегии должны были носить наследственный характер. Данная программа, по мнению Каткова, стала бы эффективным способом «приручить богатых польских магнатов»²⁰⁶.

Эту идею Катков развивал в своей программной статье «Что нам делать с Польшей?»²⁰⁷. По Каткову, государственные границы определяются и устанавливаются с помощью военной мощи. Следовательно, территориальные уступки Польше возможны только в случае военного поражения, которое приведет не только к потере определенных территорий, но и к потере Россией статуса великой европейской державы. Для Каткова этот момент является принципиальным. Он называет недалёковидными²⁰⁸ тех, кто считает, потеря данного статуса позволит России сконцентрироваться на внутривнутриполитических вопросах. По мнению Каткова, мощное внешнеполитическое положение России сделало возможными либеральные реформы 1860-х гг., так как статус великой державы заставляет «непрестанно заботиться о благоустройстве гражданском и политическом»²⁰⁹.

Считая невозможным отделение Польши, Катков также считает невозможным особое «обособленное» положение Царства Польского в составе Российской империи, так как «часть не может приписывать законы

---

²⁰⁶ Твардовская В.А. Указ. соч. С. 35-36.

²⁰⁷ Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. Т. 44. С. 469-506 [электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_что_нам_делат_s_polshey.html/ (дата обращения 11.05.2020).

²⁰⁸ В этом контексте Катков, не называя прямо, имеет в виду в первую очередь Герцена, который активно критиковал государства-империи.

²⁰⁹ Левинсон К.А. Указ. соч.

целому»²¹⁰. Следовательно, в Польше невозможны никакие конституционные уступки, так как это напрямую противоречит основам самодержавного строя в России: «монархическое начало есть не только коренное начало для России, но есть сама Россия, никакое разделение невозможно в России между верховным представителем этого начала и народом»²¹¹. В России невозможен «договор», то есть конституция, между монархом и народом так же, как невозможен «договор» верховной власти с одной из частей империи. Таким образом, Катков характеризует единственное возможное решение польского вопроса как «полное соединение Польши с Россией в государственном отношении» через введение небольшой доли представителей от дворянства. Подобная система, по мнению Каткова, не противоречит основам российского самодержавия, не подразумевает потерю Россией статуса великой европейской державы и способна обеспечить политическую стабильность в империи. Таким образом, именно с таких позиций Катков критиковал Герцена, который выразил свою поддержку польскому восстанию 1863 г.

И в советской, и в современной историографии постоянно отмечается, что Герцен являлся последовательным сторонником независимости Польши²¹². Поэтому в контексте польского восстания Герцен стал восприниматься русской общественностью как «предатель». Если Герцен считает русское правительство, олицетворяющее собой империю, «тюрьму народов», виновным в начале польского восстания, то Катков перекладывает ответственность на «зажигателей», которые своей революционной пропагандой спровоцировали начало восстания. Естественно, к числу подобных «зажигателей» Катков относит Герцена, который, например, активно осуждал рекрутский набор, который послужил формальным поводом для начала восстания. Герцен характеризовал его как «чудовищную и безобразную» меру, которая олицетворяет собой «кражу людей из мести и

---

²¹⁰ Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. Т. 44. С. 469-506.

²¹¹ Там же.

²¹² Желвакова И.А. Указ. соч. С. 482.

трусости»²¹³. Катков же считает эту меру царского правительства законной и вынужденной «среди смут и насилий, грозящих основам существующего порядка»²¹⁴. Таким образом, по логике Каткова, Герцен является революционным лидером, «полоумным вралей», который «паразитирует» на проблеме польского восстания²¹⁵ с целью дестабилизация внутривосточной ситуации в России.

В этом же контексте Катков активно критикует Герцена, который представляет себя «противником царского правительства и защитником русского народа»²¹⁶, из-за чего Герцен представляет Россию западной публике в негативном ключе: «и в печати, и в законодательных собраниях одним из самых сильных аргументов против нас было то, что Россия будто бы находится теперь в совершенном разложении, что целые классы народонаселения исполнены революционным элементом...»²¹⁷. Поэтому Катков считает, что идеи Герцена ведут к «умственному разврату», а «Колокол» передает лишь «фальшивую атмосферу, которая не имеет ничего общего с реальным положением дел в России.

Во время польского восстания Катков, считая Герцена предателем русского народа, всячески оскорблял Герцена на страницах своих изданий: «Мало того, что эти выродки перешли открыто в лагерь врагов России, мало того, что они всячески стараются пособлять польскому восстанию..., - они ругаются над русским народом вообще и объявляют Россию ничем иным как глупой выдумкой»²¹⁸. Таким образом, в статьях Каткова 1863 г. Герцен постоянно фигурирует как изменник, который после поддержки польского восстания не имеет права называть себя русским. Отвечая на сочувственные

---

²¹³ Герцен А.И. Подтасованный набор // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 264-265.

²¹⁴ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863. Указ. соч. С. 58.

²¹⁵ Там же. С. 606-607.

²¹⁶ Там же. С. 182.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. С. 183.

письма, которые активно присылались в редакцию «Московских ведомостей», Катков говорит, что в своих статьях он сказал лишь то, «что должен был говорить каждый русский на нашем месте»²¹⁹. В этом контексте Катков отказывает Герцену в праве называться русским.

Таким образом, после польского восстания критика Герцена представителями охранительного направления достигла своего пика. Это было связано с традицией связывать Герцена со всеми социальными и политическими катаклизмами, которые угрожали основам самодержавного строя. Следовательно, к направлениям критики, которые сводились к глупости, безнравственности, утопичности и разрушительности идей Герцена (при этом все эти направления активно проявились в контексте событий 1863 г.) в ходе польского восстания Герцен стал интерпретироваться еще как изменник родины, недостойный называть себя русским человеком. Большинство русской общественности, в том числе и либеральной, в этом вопросе поддержало Каткова. Это удачно охарактеризовал М.А. Маслин, который отметил, что, превратив польский вопрос в «вопрос русский», Катков «переиграл» Герцена в польском вопросе²²⁰. В ходе польского восстания представители охранительного направления окончательно выработали направления критики публицистики Герцена, в соответствии с которыми издатель «Колокола» интерпретировался до конца 1860-х гг. Это предопределило потерю интереса к Герцену и его изданиям, что выразилось в падении популярности «Колокола» после 1863 г. И.А. Желвакова отмечает, что после 1863 г. тираж «Колокола» упал до 500 экземпляров и не поднимался выше тысячи, а Герцен стал всерьез задумываться о переносе Вольной русской типографии в континентальную Европу поближе к России²²¹.

---

²¹⁹ Там же. С. 570-571.

²²⁰ Маслин М.А. К вопросу об «охранительном национализме» М.Н. Каткова // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018. С. 16.

²²¹ Желвакова И.А. Указ. соч. С. 487.

1.3. После восстания.

Новый виток интереса к фигуре Герцена среди консервативной общественности относится к 1866 г. и тесно связан с покушением Д.В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. Катков связал выстрел Каракозова с польским восстанием 1863 г. По мнению Каткова, основой обоих этих событий явилась «государственная измена», которая «породила» «всех наших революционеров, нигилистов, социалистов, украинофилов»²²². По мнению Каткова, поляки явились главными действующими лицами во всех студенческих беспорядках 1861 г. в Москве и Петербурге и сыграли решающую роль в образовании в России революционной организации в 1862 г. (видимо, в этом контексте Катков имеет в виду организацию «Земля и воля»): «Лишь в конце 1862 г. варшавский жонд поручил офицеру гвардейской конной артиллерии Подлевскому заняться организацией русских революционеров, действуя на основании полномочий и рекомендаций Герцена и Бакунина»²²³. Следовательно, Катков вновь не делает никакой разницы между взглядами Бакунина и Герцена. При этом Герцен, в отличие от Бакунина, не рассматривал польское восстание как платформу для начала революции в России.

Подобная связь выстрела Каракозова с польским восстанием 1863 г. выглядит вполне логичной в системе мировоззрения Каткова. Так же, как русский не мог поддержать поляков в 1863 г., по-настоящему русский не мог стрелять в Александра II: «никто не сомневался в том, что злоумышленник, каково бы ни было его происхождение, не мог быть орудием какой-либо русской партии, какого-либо русского интереса»²²⁴. Похожую мысль высказал в дневнике П.А. Валуев. В день покушения Валуев записал, что Александр II спросил Каракозова, «русский ли он и зачем стрелял в него». Валуев уточнил, что вероятно император спрашивал Каракозова, не поляк ли он²²⁵. В таком же

---

²²² Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1866. Указ. соч. С. 398.

²²³ Там же. С. 399.

²²⁴ Там же. С. 349.

²²⁵ Валуев П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 114.

ключе интерпретировал события 4 апреля 1866 г. А.В. Никитенко. Никитенко писал, что российская общественность постоянно обсуждает, кто совершил покушение на императора: «кто он? – поляк или русский. Общее желание, чтоб это был не русский»²²⁶. После того, как стало известно, что стрелял в императора не поляк, Никитенко отмечает, что Каракозов явился «орудием нашего нигилизма» и был связан с «заграничным революционным движением»: «Тут очевидна цель произвести в России сумятицу, а там, дескать, пусть будет что будет»²²⁷. Логично предположить, что, говоря о связи покушения с заграничным революционным движением, Никитенко, не упоминая напрямую, имеет в виду Герцена.

После покушения Каракозова Катков вновь возвращается к размышлениям о том, что стало главной причиной распространения в России революционных идей. Одну из причин Катков видит в ошибках царского правительства «в делах народного просвещения»²²⁸. Однако решающую роль сыграли «злонамеренные люди», которые «распространяли и поддерживали нигилизм» в России²²⁹. В этом контексте Катков естественно упоминает и «Колокол» Герцена, который вместе с идеями «Фейрбахов, Бюхнеров и Максов Штирнеров» отравляли «бессмысленно возбужденные, наркотически раздраженные, но не приученные к серьезному умственному труду молодые умы»²³⁰. Следовательно, Катков так же, как и другие представители русского охранительного направления, видел прямую связь между покушением Каракозова и распространением в России произведений Герцена.

---

²²⁶ Никитенко А.В. Указ. соч. Т. 3. С. 25.

²²⁷ Там же.

²²⁸ В этом вопросе Катков активно критиковал правительственный курс. А.Э. Котов считал, что «базис» мировоззрения Каткова сводился к «приверженности к классической античной культуре и европейской культуре, а также связанные с ней чувство формы и эстетическое преклонение перед созидующим, упорядочивающим могуществом государственной власти». Этот «базис» мировоззрения Каткова нашел отражение в приверженности Каткова классической системе гимназического образования, которая легла в основу образовательной программы в «Катковском» Лицее, открытом в 1868 г. См.: Котов А.Э. Указ. соч. С. 54.

²²⁹ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1866. Указ. соч. С. 351.

²³⁰ Там же. С. 351.

М.А. Маслин верно охарактеризовал одну из главных задач современных исследователей наследия Герцена, которая сводится к необходимости раскрыть принадлежность Герцена «всей русской философии, а не какой-то отдельной ее части»²³¹. Это подтверждает один из главных принципов Кембриджской школы интеллектуальной истории, согласно которому идеи не существуют в вакууме. Именно поэтому идеи Герцена не только вызывали активную критику со стороны представителей русского консерватизма в 1860-х гг., но и оказали определенное влияние на отдельных представителей данного течения общественной мысли. Одним из таких философов, открыто признававших оказанное на него влияние Герцена, был К.Н. Леонтьев, которого традиционно называют идеологом «эстетического консерватизма». Схожесть воззрений Герцена и Леонтьева заметили русские философы начала XX в. В.В. Розанов и С.Л. Франк, который отмечал, что Герцена и Леонтьева роднят «пессимистические размышления о современной культуре»²³².

В своих произведениях первой половины 1870-х гг. Леонтьев открыто пишет, что читает Герцена²³³, которого Леонтьев выделяет из поколения нигилистов 1860-х гг. Для Леонтьева, который был религиозным мыслителем, центральной темой философии является религия. Леонтьев считает, что «византийское православие» имеет две стороны. Первая предназначена для «государственной общественности» и семейной жизни. Вторую Леонтьев называет «религией разочарования и безнадежности на что бы то ни было земное» и считает, что она предназначена для внутренней народной жизни, то есть для народной «души». На этом основывается леонтьевская критика русских нигилистов 1860-х гг., которые «использовали тоску безграничную ненасытной и широкой русской души» для решения общественно-

---

²³¹ Маслин М.А. Философия А.И. Герцена сегодня. Указ. соч. С. 139.

²³² Гревцова Е.С. Александр Герцен и Константин Леонтьев: философское сравнение [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-gertsen-i-konstantin-leontiev-filosofskoe-sravnenie/viewer/> (дата обращения 15.05.2020).

²³³ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. СПб., 2005. Т. 7. Кн. 1. С. 132.

политических вопросов вместо того, чтобы «разрешить ее в Боге»²³⁴. По этому признаку Леонтьев выделяет Герцена. Несмотря на то, что издатель «Колокола» не пришел к Богу, он хотя бы разочаровался в «чисто утилитарном прогрессе», который ведет либо к кровавой революции, либо к «отвратительной прозе всеобщего мелкого однообразия, предлагаемого Пруденом»²³⁵.

В этом же контексте Леонтьев критикует русских революционеров 1860-х гг., которые стремились сделать Россию «более европейской, чем Европа»²³⁶, идеализируя тем самым революционный потенциал вольнонаемного рабочего. Леонтьев указывает, что Герцен серьезным образом выделялся из русского революционного движения 1860-х гг. Герцен так же, как и Леонтьев, критиковал последователей Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова за то, что их философия основывается на «отрицании» и является простым «приложением европейских идей» на русскую почву²³⁷ (например, Герцен критиковал идеи П.Г. Заичневского в «Молодой России», которые, по его мнению, были совершенно «нерусскими»).

Французская революция 1848 г. произвела сильнейшее впечатление на Герцена, который отказался от революционного пути развития и разочаровался в общественно-политическом устройстве Западной Европы. Это послужило толчком для создания теории «русского социализма», основы которого были заложены в знаменитом произведении «С того берега». Впоследствии Герцен развивал эти идеи во многих сочинениях 1860-х гг. Например, в «Концах и началах» Герцен противопоставляет «мещанскому» государству, которое он считает «последним словом европейской цивилизации, основанном на безусловном самодержавии собственности»²³⁸, «государство народное», которое должно воплотиться в России. Эта идея

---

²³⁴ Там же. С. 173-174.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же. С. 100.

²³⁷ Там же. С. 101-102.

²³⁸ Герцен А.И. Концы и начала // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 137.

Герцена основывается на мысли о том, что западная цивилизация достигла своего логического предела: «Пока одни успокаиваются на достигнутом, развитие продолжается в не сложившихся видах возле, около готового, совершившего свой цикл вида»²³⁹. В этом контексте Герцен имеет в виду Россию, которая, пользуясь своей отсталостью от Европы, имеет возможность миновать «мещанский» этап развития и с опорой на крестьянскую общину перейти к более справедливому «русскому социализму».

Похожие идеи высказывает Леонтьев, который был знаком с сочинениями Герцена. Леонтьев в духе Герцена критикует Европу за то, что она не знает России²⁴⁰. По мнению Леонтьева, их представления о русских как о варварах не соответствует действительности, так как за Россией находится будущее европейской цивилизации: «Я греков люблю, и мне жаль, что они, влачась во всех понятиях за политически ненавистной им Европой, просматривают и проглядывают сами великую, назревающую славяно-русскую культуру, которая одна только в силах обновить историю»²⁴¹. Таким образом, и Герцен, и Леонтьев видели в «варварстве» России преимущество. Однако Герцен видел в этом возможность реализации в России своего социалистического идеала, не отрицая при этом революционный путь развития полностью. Леонтьев же сделал другие выводы, направленные на развитие «византийского христианства» в русской душе.

Подобную схожесть между социалистическим и консервативным направлениями русской общественной мысли проследил М.А. Давыдов. Появление этого феномена русской политической мысли, которое Давыдов охарактеризовал как «новое общественное настроение», Давыдов отнес к 1840-1850-м гг. Суть «нового общественного настроения», ключевую роль в формировании которого сыграл Герцен, сводилась к рассмотрению

---

²³⁹ Там же. С. 156.

²⁴⁰ В этом Герцен видел одну из главных задач своей публицистической деятельности за границей, которую он в «С того берега» охарактеризовал как необходимость «знакомить Европу с Русью». См.: Герцен А.И. С того берега // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 17.

²⁴¹ Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 92.

«капитализма как предела морально-нравственного падения человечества», из-за чего крестьянская община рассматривалась как «эпицентр русской духовности»²⁴². Это воплощалось не только в идеях русских социалистов, но и на государственном уровне (то есть главными проводниками охранительных идей), что Давыдов называет попыткой воплотить «антикапиталистическую утопию»²⁴³.

Таким образом, идеи Герцена серьезным образом повлияли на развитие консервативной мысли в России. Это отмечает М.А. Маслин, который пишет о влиянии Герцена на Ф.М. Достоевского²⁴⁴. Во время встречи с Герценом в Лондоне в 1862 г. Достоевский использовал понятие Герцена «русский социализм», разделяя герценовскую критику мещанского идеала Западной Европы²⁴⁵, однако данное понятие у Герцена и Достоевского наполнялись разными характеристиками. Эту проблему также поднимает А.А. Тесля, который отмечает, что герценовская последовательная критика Запада являлась «негативно привлекательной» для одного из главных идеологов русского консерватизма К.П. Победоносцева²⁴⁶. Победоносцев характеризовал идею парламентаризма, которую он считал порождением западной цивилизации, а точнее Французской революции конца XVIII в., как «одно из самых лживых политических начал», которое «до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции»²⁴⁷.

Таким образом, данные примеры показывают принадлежность Герцена не только к русской социалистической традиции, но и ко всей русской философии XIX в. Тем не менее большинство представителей российской

---

²⁴² Давыдов М.А. Послесловие ко второму изданию // Давыдов М.А. 20 лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб., 2016. С. 902.

²⁴³ Там же. С. 907.

²⁴⁴ В этом же контексте также стоит упомянуть статью В.К. Кантора, в которой автор доказывает, что прототипом для персонажа романа Достоевского «Бесы» Николая Ставрогина выступил именно Герцен. См.: Кантор В.К. Герцен как прототип Ставрогина // Человек. 2014. № 3. С. 148-160.

²⁴⁵ Маслин М.А. Философия А.И. Герцена сегодня. Указ. соч. С. 135.

²⁴⁶ Тесля А.А. Первый русский национализм. Указ. соч. С. 143.

²⁴⁷ Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 284.

консервативной общественности подвергали идеи Герцена резкой критике на протяжении 1860-х гг., которая, по верному замечанию И.В. Пороха, была направлена против радикальных²⁴⁸ идей Герцена, которые он высказывал в изданиях Вольной русской типографии²⁴⁹. В различных произведениях русских консерваторов 1860-х гг. Герцен постоянно предстает в нескольких ипостасях. Во-первых, как утопист, чьи идеи не имеют никакого отношения к российской действительности. Во-вторых, как радикал и лидер российского революционного движения. В-третьих, как возмутитель общественного спокойствия, который негативно влияет на молодое поколение, способствуя распространению революционных идей в России, и мешает консолидации общественных сил вокруг императора и правительства. В-четвертых, после польского восстания 1863 г. Герцен стал восприниматься как предатель и изменник, который после поддержки восставших поляков не имеет права называть себя русским. Таким образом, русские охранители на протяжении 1860-х гг. в условиях «постоянных революционных ожиданий» считали Герцена одним из главных государственных врагов России, который активно подталкивал ее к революции.

---

²⁴⁸ По сравнению со взглядами представителей русской охранительной мысли 1860-х гг.

²⁴⁹ Порох И.В. Указ. соч. С. 78.

Глава II. Оценки либералов.

2.1. Рубеж 1850-1860-х гг.

Грань между охранительным и либеральным течениями в русской общественной мысли 1860-х гг. носила условный характер. Во многом это связано со сложностями, которые возникают с трактовкой понятия «либерализм» и которые удачно охарактеризовала А. Келли в одной из своих работ, посвященных проблеме принадлежности Герцена к либеральной традиции политической мысли. Традиция восприятия Герцена как либерала восходит к П.Б. Струве, который восхвалял философию Герцена как «противоядие от догматизма нетерпимости»²⁵⁰, которая была характерной чертой русского общественно-политического движения 1860-х гг.²⁵¹. Эту же идею развивал И. Берлин²⁵², который обращал особое внимание на ценность человеческой личности и убежденность Герцена в том, что «государства и политические организации – не самоцель, но средство, способ обеспечить сотрудничество и компромисс для достижения самых разных целей»²⁵³.

Подобный взгляд на философию Герцена, актуальный до сих пор, по верному замечанию Келли, во многом обусловлен идеологическими причинами, которые тесно вписаны в контекст научных дебатов времен «холодной войны». Такой подход основывается на направлении либеральной мысли, по которой парламентская демократия западного типа и свободный рынок капитализма рассматриваются как универсальная модель социально-экономического устройства, распространение которой обеспечит «всеобщую свободу и процветание» по всему миру²⁵⁴. Подобное более современное восприятие либеральной идеологии не до конца вписывается в контекст русского либерализма 1860-х гг. Эта же тенденция, несколько в другой форме,

---

²⁵⁰ Цит. по: Келли А. Был ли Герцен либералом // НЛЮ. М., 2002. № 6 [электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/byl-li-gerczen-liberalom.html/> (дата обращения 05.05.2020).

²⁵¹ В данном контексте Струве использовал терминологию Герцена, который в своих статьях 1850-1860-х гг. часто упрекал либералов-западников в «доктринерстве».

²⁵² Берлин И. Указ. соч. С. 92-93.

²⁵³ Келли А. Указ. соч.

²⁵⁴ Там же.

свойственна и для советской историографии. В работах советских историков представители русской либеральной мысли зачастую интерпретировались как «ненастоящие» либералы, которые, например, в ходе польского восстания 1863 г. разделяли «шовинистические и черносотенные» взгляды Каткова и поддержали тем самым репрессивную политику русского правительства. Подобная позиция русских либералов, которая на протяжении 1860-х гг. практически не расходилась с официальным правительственным курсом, определяет специфику русского либерализма 1860-х гг. Эта тенденция, характерная для эпохи либеральных реформ Александра II подробно рассматривалась в предыдущей главе²⁵⁵.

Келли выделяет два основных вида либерализма. Так называемый «либерализм диссонанса» основывается на гибкости государственных институций, которые должны приспосабливаться под многообразие возможных форм самореализации человека, обеспечивая тем самым свободу личности. Данный вид, по мнению Келли, оказался наиболее востребованным по всему миру. Второй вариант характеризуется как «либерализм гармонии», который стремится к «разумному согласию», как высшей форме общественно-политического устройства. Этот второй вариант, не получивший широкого распространения в Европе, оказался наиболее востребованным в России и выразился в «государственной» или «гегельянской» школе русского либерализма, главными представителями которой явились К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин²⁵⁶.

Основы государственной школы восходят к философии Гегеля, который не видел в институте государства угрозы личной свободе. Более того, Гегель считал, что подлинная «позитивная» свобода «реализуется лишь в государственных институциях: современное государство – это выражение

---

²⁵⁵ Это стало причиной правления взглядов М.Н. Каткова в условиях «размежевания» различных течений политической мысли. В этом контексте русские либералы, удовлетворенные условиями освобождения крестьян в 1861 г., на протяжении 1860-х гг. сохраняли веру в реформаторский потенциал русского правительства.

²⁵⁶ Келли А. Указ. соч.

нравственной природы человека, подчинение его субъективных интересов всеобщей воле»²⁵⁷. Следовательно, и Кавелин, и Чичерин с опорой на философию Гегеля доказывали, что Россия – европейская страна, которая идет по тому же историческому пути, что и остальные страны Европы. Это же доказывает А.А. Тесля, который сводит главный пункт программы русских либералов 1860-х гг. к восприятию «Европы», несмотря на определенную особенность российского пути к свободе, как «чаемого образа русского будущего»²⁵⁸. Яркими представителями данного направления политической мысли в 1860-х гг. были Кавелин и Чичерин.

Таким образом, русский либерализм сочетал в себе ориентацию на политические институты Западной Европы и веру в реформаторский потенциал русского правительства. Это обусловило умеренность взглядов русских либералов государственной школы, которые активно поддерживали царское правительство, которое с 1855 г. шло по пути «постепенных и разумных реформ»²⁵⁹. Данная тенденция стала главной причиной схожести оценок Герцена и его идей российской консервативной и либеральной общественностью, что логично вписывается в исторический контекст 1860-х гг. Особенно ярко это проявилось после польского восстания 1863 г.

В данной главе также будет рассматриваться восприятие публицистики Герцена славянофилами. Характеристика славянофилов с точки зрения их принадлежности к тому или иному направлению русской политической мысли до сих пор вызывает споры в историографии. Советские историки интерпретировали славянофилов как носителей либеральной идеологии. Классики советской историографии Н.И. Цимбаев, Е.А. Дудзинская и И.В. Порох характеризовали славянофильство как «одну из разновидностей русского либерализма»²⁶⁰, отмечая вклад представителей этого направления в подготовку и осуществление крестьянской реформы 1861 г. Дудзинская

---

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Тесля А.А. Указ. соч. С. 143.

²⁵⁹ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 15.

²⁶⁰ Революционная ситуация в России в середине XIX века. Указ. соч. С. 85.

обращает внимание читателей на славянофильскую²⁶¹ статью «Программа для занятий губернских комитетов», опубликованную в 19-20 листах «Колокола» в июле-августе 1858 г., которую сам Герцен характеризовал как «превосходную во всех отношениях»²⁶². Данную статью, в которой славянофилы активно критиковали дворянства за попытку отойти от намеченного правительством курса освобождения крестьян, Дудзинская называет «вершиной либерализма»²⁶³.

В современной историографии часто оспаривается подобная интерпретация славянофилов. Например, М.А. Давыдов, вписывая славянофильство в контекст «нового общественного настроения» 1840-1850-х гг., характеризует данное направление русской общественной мысли как «русский утопический христианский социализм»²⁶⁴. А.А. Тесля соглашается с советскими историками лишь отчасти. Тесля отмечает, что славянофилов 1830-1840-х гг. действительно можно отнести к носителям либеральной идеологии. Однако позднейшее развитие этого направления склоняется вправо. Данную специфику Тесля тесно связывает с особенностями 1860-х гг. Начиная с 1860-х гг., происходит трансформация консервативной мысли, которая все больше тяготеет к созданию вместе с национализмом «новых идейных комплексов», что во многом явилось ответом на вызов польского восстания 1863 г.²⁶⁵ Несмотря на обозначенные сложности, интерпретация славянофильства с точки зрения принадлежности к какому-либо одному течению русской общественной мысли не является целью настоящей работы. Следовательно, восприятие Герцена славянофилами²⁶⁶ в 1860-х гг. будут

---

²⁶¹ Н.Я. Эйдельман доказывал, что авторами данной статьи явились сразу несколько человек. Эйдельман указывает, что в создании этого сочинения принимали участия А.И. Кошелев и Ю.Ф. Самарин. См.: Эйдельман Н.Я. «Колокол» и его корреспонденты (июль – октябрь 1858 г.) // Эпоха Чернышевского. М., 1978. С. 38-40.

²⁶² Революционная ситуация в России в середине XIX века. Указ. соч. 79.

²⁶³ Там же. С. 83.

²⁶⁴ Давыдов М.А. Указ. соч. С. 910.

²⁶⁵ Тесля А.А. Указ. соч. С. 143.

²⁶⁶ С некоторыми представителями славянофильства у Герцена еще в 1840-х гг. сложились теплые и близкие отношения. Тесля отмечает, что Герцен, еще будучи западником, прочитал свою работу «Дилетантизм в науке» И.В. Киреевскому и А.С. Хомякову одним

рассматриваться в настоящей главе, посвященной оценкам публицистики Герцена либеральной общественностью. Тем более Тесля отмечает, что «правая» направленность славянофильства окончательно оформилась лишь к началу 1870-х гг.²⁶⁷

Традиция восприятия публицистики Герцена русской либеральной общественностью была заложена во второй половине 1850-х гг. во время полемики Герцена с Чичериным и осталась актуальной вплоть до конца 1860-х гг. В 1856 г. в первой книжке «Голосов из России» Герцен опубликовал «Письмо к издателям “Колокола”», написанного Кавелиным совместно с Чичериным. Главная цель данного письма сводилась к попытке убедить Герцена отказаться от своей слишком радикальной программы в пользу сотрудничества с царским правительством, которое встало на путь либеральных преобразований. Авторы письма признавали важность свободы слова, которую олицетворяла герценовская Вольная русская типография. Однако они упрекали Герцена в том, что он неправильно использует потенциал бесцензурной печати: «России до социальной демократии нет дела; у нее другие интересы... Укажите нам с умеренностью и с знанием дела на внутренние наши недостатки, раскройте перед нами картину внутреннего нашего быта и мы будем вам благодарны, ибо свободное русское слово есть великое дело. Вы удивляетесь, отчего вам не шлют статей из России; но как же вы не понимаете, что нам чуждо водруженное вами знамя»²⁶⁸. Таким образом, в этом письме Кавелин и Чичерин впервые упрекают Герцена в излишней радикальности его взглядов, называя его сторонником «социальной демократии», а также в ложном направлении его изданий, которые не отвечают настоящим потребностям русского общества в свободном слове.

из первых за полгода до публикации. Впоследствии у Герцена сложились дружеские отношения с братьями К.С. и И.С. Аксаковыми, также «сильное интеллектуальное впечатление» на Герцена произвел Ю.Ф. Самарин. См.: Тесля А.А. Указ. соч. С. 63-65.

²⁶⁷ Там же. С. 71-72.

²⁶⁸ Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Выпуск первый (книжки I-III). Факсимильное издание. М., 1974. С. 38.

Излишнюю радикальность Герцена олицетворяла его идея о том, что реформы, санкционированные царским правительством, не являются безальтернативной формой преобразования России. В своей программной статье «1860 год» Герцен цитирует свое открытое письмо к Александру II 1855 г., в котором он выдвинул основные политические требования: «Освобождения крестьян от помещиков, освобождения слова от цензуры, освобождения суда от мрака канцелярской тайны, освобождения спины от палки и плети»²⁶⁹. Таким образом, в начале царствования Александра II Герцен выступал активным сторонником так называемой «революции сверху», признавая, что правительство России в вопросе освобождения крестьян с землей «идет дальше всех»²⁷⁰. Однако Герцен не отрицал революционный путь полностью. Например, в одной из своих статей 1858 г. Герцен, характеризуя вопрос освобождения крестьян как наиболее «существенный вопрос для России», признавал возможность его разрешения как посредством реформы, так и с помощью революции: «Будет ли это освобождение сверху или снизу – мы будем за него!»²⁷¹. По верному замечанию В.А. Китаева, Кавелин и Чичерин верили, что русское правительство являлось единственной безальтернативной политической силой²⁷².

Эти же идеи развивал Чичерин в своем знаменитом открытом письме к Герцену, которое было опубликовано в 29 листе «Колокола» 1 декабря 1858 г. под названием «Обвинительный акт»²⁷³. Это сочинение предопределило окончательный разрыв Герцена с Чичериным. Активная полемика между ними началась осенью 1858 г., когда Чичерин приехал к Герцену в Лондон. Характеризуя главную цель поездки, Чичерин написал в мемуарах, что хотел «переговорить о настоящем положении дел в России и о той политике, которой

---

²⁶⁹ Герцен А.И. 1860 год // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 216.

²⁷⁰ Желвакова И.А. Указ. соч. С. 453.

²⁷¹ Герцен А.И. Нас упрекают // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 363.

²⁷² Китаев В.А. Указ. соч. С. 42-43.

²⁷³ Как известно, возможность открытой полемики с Герценом в подцензурных российских изданиях появилась в 1862 г. Чичерин включил это открытое письмо в сборник «Несколько современных вопросов», опубликованный в России в конце 1862 г.

надобно было держаться при существующих условиях»²⁷⁴. Более того, Чичерин, отмечая влияние, которое оказывал «Колокол» на общественно-политическую жизнь в России, пытался убедить Герцена направить его в нужное для российского общества русло: «Перед обличением Герцена трепетали самые высокопоставленные лица. С подобным орудием в руках можно было достигнуть того, что было совершенно недоступно подцензурной русской печати. Можно было действовать на недоумевающее правительство, сдерживать его и направлять на правильную стезю»²⁷⁵.

Подобная критика Герцена за «неправильное» направление его изданий логично вытекает из различий между политическими программами Герцена и Чичерина. Келли отмечает, Герцен, в отличие от русских либералов 1860-х гг., отказывался признавать «абсолютную» ценность политических институций. Следовательно, главным критерием оценки того или иного института для Герцена выступало «соответствие потребностям личности в определенных исторических условиях». Именно поэтому Герцен отказывался признавать, например, конституционную демократию «единственной надеждой на освобождение русского народа»²⁷⁶. Подобная позиция серьезным образом отличалась от воззрений Чичерина, который сам называл себя «либеральным консерватором»²⁷⁷.

В.А. Китаев справедливо отмечает, что в 1850-1860-х гг. Чичерин выступал поклонником «буржуазного порядка французского образца» и парламентаризма. Общественно-политический идеал Чичерина воплощался в правильном соотношении элементов общественной свободы и государственной власти, которая должна основываться на «бюрократической и административной централизации»²⁷⁸. В этом контексте Чичерин критикует английское государственное устройство, где свобода превалирует над

---

²⁷⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Записи прошлого. М., 1929. С. 42.

²⁷⁵ Там же. С. 49-50.

²⁷⁶ Келли А. Указ. соч.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Китаев В.А. Указ. соч. С. 88-89.

государственным началом. Подобная тенденция, по мнению Чичерина, стала главной причины общественного неравенства в Англии, где особенно остро виден контраст между господствующим положением аристократии и бедственным положением низших классов. В России же доминирует государственное начало, которое повлекло за собой «засилье бюрократии и недостаточность развития общественной инициативы»²⁷⁹.

Таким образом, Чичерин выступает сторонником парламентского устройства, что он наиболее подробно изложил в одной из главных своих работ «О народном представительстве» 1866 г. Чичерин отмечает, что политическая борьба не может быть «бесстрастной», из-за чего противостояние политических партий зачастую принимает «крайние формы»: «Поэтому, прежде нежели она достигает крайних пределов, следует ввести ее в законный путь, дать ей правильное движение»²⁸⁰. Единственной силой, способной это сделать является государство. Народное представительство необходимо, чтобы «народу были открыты свободные учреждения», где люди смогли бы «осуществлять свои желания». Отсутствие подобных представительных органов власти «нередко ведет к революции»²⁸¹. Однако введение народного представительства должно быть постепенным, законным и разумным. Эта идея, по верному замечанию Келли, также основывается на философии Гегеля, по которому история постепенно движется от несовершенной стадии к другой, постепенно приближаясь к совершенству²⁸². По мнению Чичерина, Россия 1850-1860-х гг. не была готова к столь радикальным преобразованиям. С этих позиций Чичерин раскритиковал Герцена в 1858 г. сразу по нескольким направлениям. При этом риторика Чичерина похожа на критику Герцена представителями охранительного направления.

---

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 46.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Келли А. Указ. соч.

Чичерин подчеркивает важность конца 1850-х гг.²⁸³ для российской истории. В этом контексте было необходимо консолидировать общественные силы вокруг царского правительства, чтобы направить силу общественного мнения на дело реформ. Герцен и его «Колокол» могли сыграть в этом процессе важную роль. Чичерин характеризует Герцена как человека, «брошенного в борьбу, истощенного гневом и негодованием», который постоянно «впадает в крайности». В этом контексте Чичерин задает риторический вопрос: «Неужели вы думаете, что Россия в настоящее время нуждается в людях с пылкими страстями?»²⁸⁴. Следовательно, Чичерин так же, как представители охранительной мысли, считает, что публицистика Герцена оказывает негативное воздействие на русское общество. Таким образом, Чичерин делает вывод о том, что Герцен не желает блага России: «Всякий, кому дорога гражданская жизнь, кто желает спокойствия и счастья своему отечеству, будет всеми силами бороться с такими внушениями...»²⁸⁵.

Однако в данном контексте между оценками Чичерина и русских консерваторов есть определенные различия. Катков, например, обосновывал незыблемость самодержавия в России, апеллируя к тому, что монархическое начало является «естественным» для русского общества. Чичерин же постоянно использует слова «постепенный», «умеренный» и «разумный» для характеристики исторического развития России. Следовательно, Чичерин в этом контексте, в отличие от Каткова, называет самодержавие «искусной рукой», которая единственная может «распутать отношения, созданные веками»²⁸⁶. Таким образом, Чичерин выступает защитником самодержавия в конкретных исторических условиях.

На этом основании Чичерин обосновывает два направления критики Герцена. Во-первых, Чичерин так же, как и русские консерваторы, считает, что

---

²⁸³ В данном контексте имеет в виду период подготовки освобождения крестьян. Данная идея Чичерина впоследствии распространилась на всю эпоху так называемых либеральных реформ, то есть на все 1860-е гг.

²⁸⁴ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. Указ. соч. С. 12.

²⁸⁵ Там же. С. 15.

²⁸⁶ Там же. С. 13.

Герцен не понимает реального положения дел в России. Особенно резко Чичерин охарактеризовал это в своих воспоминаниях: «Герцен просто ничего не понимает»²⁸⁷. Это также заставляло Чичерина сомневаться в умственных и нравственных качествах Герцена, что было особенно актуально для XIX в., как «века идеологий». По мнению Чичерина, Герцен растерял все, «что было вынесено из России»: «В сущности у него был ум совершенно вроде изображенного им доктора Крупова, склонный к едкому отрицанию и совершенно неспособный постичь положительные стороны вещей»²⁸⁸. Во-вторых, Чичерин, в отличие от Герцена, не мог допустить мысли о возможности революции в России. Следовательно, Чичерин в «Обвинительном акте» критиковал Герцена за более снисходительное отношение к революции²⁸⁹, которое позволяло интерпретировать Герцена как «борца» и представителя русского революционного движения: «Вы к гражданским преобразованиям довольно равнодушны... Пусть все это унесется в роковой борьбе, пусть, вместо уважения к праву и закону, водворится привычка хвататься за топор»²⁹⁰.

Таким образом, в 1858 г. Герцен охарактеризовал Чичерина как «прямолинейного доктринера»²⁹¹. Чичерин обвинил Герцена в отсутствии четкого направления, непоследовательности, излишней радикальности дурном влиянии на состояние умов в России. При этом обвинения Чичерина сопровождалась критикой умственных и моральных качеств Герцена. Это стало причиной окончательного разрыва между ними. Отношение Чичерина к Герцену, отразившееся в «Обвинительном акте» 1858 г., оставалось актуальным на протяжении 1860-х гг. Об этом свидетельствует тот факт, что идеи, которые предопределили направление критики Герцена, получили

---

²⁸⁷ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Указ. соч. С. 63.

²⁸⁸ Там же. С. 51.

²⁸⁹ При этом важно, что Герцен в 1850-1860-х гг. никогда не выступал в качестве сторонника революции. Это стало причиной непопулярности Герцена и его идей среди революционно настроенной молодежи к концу 1860-х гг.

²⁹⁰ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. Указ. соч. С. 13.

²⁹¹ Герцен А.И. Нас упрекают // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 361.

дальнейшее развитие в работе «О народном представительстве». Более того, Чичерин дал такую же негативную характеристику Герцену и его публицистике в своих воспоминаниях, написанных в 1880-1890-х гг.

К удивлению Чичерина, Кавелин осудил «Обвинительный акт» в письме от 8 января 1859 г., которое Чичерин полностью приводит в своих воспоминаниях. Чичерин связывал подобную перемену взглядов своего вчерашнего союзника карьерными неудачами, а именно отстранением от преподавания права наследнику Николаю Александровичу²⁹². Кавелин согласился с одной из главных идей письма Чичерина. По мнению Кавелина, публицистика Герцена, наполненная «постоянными криками негодования на положение дел и первых лиц», не несла в себе никакого созидательного характера и мешала консолидации общественного мнения. Кавелин не согласился с характеристикой Герцена как революционера. Следовательно, Кавелин критиковал Чичерина, который обратил особое внимание на одну из статей, опубликованных в «Колоколе», в которой содержался призыв «к топору!»²⁹³, и оставил без внимания большинство других статей Герцена, где он выступает сторонником мирных преобразований²⁹⁴, за одностороннее восприятие публицистики Герцена.

Причиной разрыва Герцена с Кавелиным стала брошюра «Дворянство и освобождение крестьян», впервые опубликованная в Берлине в 1862 г. Главная идея этого произведения Кавелина сводилась к преждевременности введения в России народного представительства. При этом Кавелин видит в парламентаризме потенциальное благо для России, однако считает империю не готовой к таким радикальным преобразованиям. Это удачно охарактеризовал В.А. Китаев, который отмечал, что политическая программа Кавелина в 1860-х гг. полностью укладывалась в концепцию инициативы «сверху»²⁹⁵. Об этом Кавелин писал Герцену в письме от 18 апреля 1862 г.:

---

²⁹² Чичерин Б.Н. Воспоминания. Указ. соч. С. 56.

²⁹³ При этом автором этого письма, опубликованного в «Колоколе», был не Герцен.

²⁹⁴ Там же. С. 57.

²⁹⁵ Китаев В.А. Указ. соч. С. 127.

«Крепко и здорово устроенный суд, да свобода печати, да передача всего, что прямо не интересуется единства государства, в управление местным жителям... Ими бы следовало заняться вместо игры в конституцию...»²⁹⁶. Эта же идея является основной для одного из главных программных сочинений Кавелина.

В своей брошюре Кавелин размышлял о природе социального неравенства, которое он характеризовал как естественную черту любого общества. В этом контексте Кавелин, как защитник института частной собственности, выступил с резкой критикой социализма. Если врожденное физическое неравенство «никем не оспаривается», то «имущественное неравенство многим кажется чем-то произвольным, искусственным, случайным»²⁹⁷. Такое распространенное ошибочное мнение по поводу искусственной природы имущественного неравенства, по мнению Кавелина, легло в основу всех социалистических теорий, которые «оказались совершенно неосуществимыми»²⁹⁸. Отталкиваясь от идеи, что ничто никогда «не сможет заменить права собственности»²⁹⁹, которое является одним из главных источников неравенства, Кавелин делает вывод о естественности существования дворянства³⁰⁰.

Кавелин отмечает, что крестьянская реформа является наиболее важным событием для дальнейшей судьбы русского дворянства. Из закрытого сословия дворянство, по Кавелину, должно «превратиться в класс землевладельцев и уравниваться в гражданских правах с прочими

---

²⁹⁶ Письма К.Дм. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал.Ив. Герцену. Женева, 1892. С. 48.

²⁹⁷ Кавелин К.Д. Дворянство и освобождение крестьян // Собрание сочинений: в 4 т. СПб., 1898. Т. 2. С. 111-112.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же. С. 113.

³⁰⁰ Китаев справедливо отмечает, что проблема устойчивости социальных отношений и места дворянства как «первенствующего» сословия после освобождения крестьян являлась одной из главных тем в русской либеральной публицистике на рубеже 1850-1860-х гг. Это стало причиной популярности теории Герберта Спенсера об органическом обществе среди русских либералов. Китаев приводит в пример В.П. Безобразова, который говорил о необходимости «отказа от сословного эгоизма». Идею об органической взаимосвязи сословий в «Исторических письмах» развивал С.М. Соловьев. Эта же тема является одной из центральных в «Дворянстве и освобождении крестьян» Кавелина. См. Китаев В.А. Указ. соч. С. 137.

сословиями»³⁰¹. Таким образом, первенствующее положение дворянства должно было свестись к крупному землевладению. Большинство же мелкопоместных дворян, по прогнозам Кавелина, приблизятся по своему положению к мелким собственникам из других сословий. Подобные социальные изменения, вызванные реформой приведут к тому, что русский народ «составит одно органическое тело»³⁰².

Кавелин в духе философии Гегеля, который рассматривал движение истории как последовательное движение от одной менее совершенной к другой, более совершенной, осознавал необходимость дальнейших преобразований в России. Важнейшей среди предстоящих реформ Кавелин считал введение в России народного представительства. Однако Кавелин так же, как Чичерин, считает Россию не готовой к подобным радикальным преобразованиям в контексте 1860-х гг.: «Чтобы иметь представительное правление, надобно сперва получить его и, получивши, уметь поддерживать, а это предполагает выработанные элементы представительства в народе, на которых бы могло твердо и незыблемо основаться и стоять здание представительного правления»³⁰³.

Данная брошюра вызвала бурную реакцию Герцена, которая проявилась в его письме к Кавелину от 7 июня 1862 г. Главная претензия Герцена сводилась к тому, что брошюра оправдывала официальный курс Александра II и в выгодном свете выставляло «петербургское правительство», которое Герцен называл «фасадом» и отказывался ассоциировать его с «настоящей» Россией. В этом же контексте Герцен в свойственной ему манере иронизировал над «либеральным» курсом русского правительства: «Этот тощий, стертый и вредный памфлет, писанный не для печати, для какого-то Николая Николаевича и, стало быть, для негласного руководства

---

³⁰¹ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 126.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же. С. 139-140.

либералующему правительству. Это слишком»³⁰⁴. Тут же Герцен критикует Кавелина за его приверженность идее постепенного развития, которая в контексте данной брошюры сочетается с резкой критикой Герценом государственного устройства Западной Европы: «Прусская благотельно цивилизующая администрация с проспектом лет через 500 дойти до английской болезни – и все это основывать на том, что народ русский – скот и выбрать людей для земства не умеет, а правительство – умница, все знает»³⁰⁵.

В ответном письме от 11 июня 1862 г. Кавелин, в духе их совместного с Чичериным письма к Герцену 1856 г., критикует издателя «Колокола» за его разрушительную деятельность, которая вредит реформаторскому курсу царского правительства. При этом данное письмо Кавелина демонстрирует важное различие оценок Герцена и его идей либеральной и консервативной общественностью. Представители российского охранительного движения рассматривали Герцена как безусловного врага России, с которыми они никак не могли себя ассоциировать. Со многими русскими либералами Герцена связывали теплые дружеские отношения (это же актуально и для славянофилов) еще со времен кружка московских западников 1830-1840-х гг.

Данная особенность повлияла на традицию восприятия публицистики Герцена многими русскими представителями либерального направления. Во-первых, их критика (по крайней мере до 1863 г.) носила более сдержанный характер, нежели, например, критика Каткова. Во-вторых, это позволяло русским либералам, несмотря на определенные идейные расхождения, восхищаться талантом Герцена. Чичерин «Былое и думы» одним из лучших произведений русской литературы³⁰⁶. В.Ф. Корш, которого с Герценом связывало общее прошлое 1840-х гг., в одном из своих писем к М.М. Стасюлевичу признавался, что Герцен «всегда был и остается моим любимым

---

³⁰⁴ Герцен А.И. Письмо к К.Д. Кавелину. 7 июня (26 мая) // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1963. Т. 27. С. 226.

³⁰⁵ Там же. С. 227.

³⁰⁶ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Указ. соч. С. 67.

писателем»³⁰⁷. Кавелин в своем письме называет «разрыв» с Герценом «одним из самых тяжких событий» в жизни³⁰⁸. Более того, Кавелин не только называет отдельные мысли и сочинения Герцена «гениальными», но и считает, что их с Герценом политические программы идейно близки друг другу³⁰⁹. Единственным отличием Герцена, по мнению Кавелина, является его «нетерпеливость»³¹⁰.

2.2. Польское восстание 1863 г.

Как уже отмечалось в настоящей работе, польское восстание 1863 г. стало поворотным моментом не только в становлении русского национализма, но и в традиции восприятия Герцена и его публицистики российской общественностью. События 1863 г. обусловили окончательный разрыв Герцена со всеми представителями русской общественной мысли. Схожесть либеральной и консервативной риторики в оценках публицистики Герцена достигла своего пика в 1863 г. Это было связано с двумя факторами. Во-первых, русский либерализм 1860-х гг. никогда существенным образом не расходился с правительственным курсом. Это делает грань между либеральным и охранительным направлением условной. Во-вторых, данная тенденция была связана с «культурой революционного ожидания», которая была свойственна русской либеральной мысли так же, как и охранительной. Переживания по поводу возможных революционных потрясений встречаются в сочинениях Чичерина. Например, в знаменитом «Обвинительном акте» Чичерин обращал внимание Герцена на особенную важность времени, в которое они живут, для дальнейшей судьбы России. В этом контексте Чичерин апеллировал к опыту Крымской войны, в ходе которой стало понятно, что «старая система рушится сама собой». Следовательно, «стало очевидным, что прежним путем идти невозможно, что общее дело не может обойтись без

---

³⁰⁷ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке. М.- Берлин, 2016. С. 506.

³⁰⁸ Письма К.Дм. Кавелина и Ив.С. Тургенева к Ал.Ив. Герцену. Указ. соч. С. 54.

³⁰⁹ Подобная интерпретация Герцена отчасти как политического союзника была невозможна для представителей российской охранительной мысли 1860-х гг.

³¹⁰ Там же. С. 60.

содействия всех живых сил народа...»³¹¹. Позиция Герцена по поводу польского восстания еще больше усилило традицию восприятия Герцена, как человек, оторванного от России, не понимающего реального положения дел, что удачно охарактеризовал Чичерин в своих воспоминаниях: «Когда вспыхнуло польское восстание, Герцен вовсе не понял положения России и русских людей; он совсем потерял почву и должен был прекратить свое издание»³¹².

В таком же ключе рассуждал Кавелин. Например, говоря о том, что крестьянская реформа явилась результатом логичной исторической необходимости, Кавелин настаивал на освобождении крестьян с землей. Важность данного вопроса вытекала из острой необходимости предотвратить появление и распространение в России пролетариата³¹³, который Кавелин ассоциировал с «мечтательными теориями имущественного равенства» и «завистью и ненавистью к высшим классам», которые ведут к «социальной революции»³¹⁴. Таким образом, главным двигателем преобразований выступали опасения, связанные с возможной революцией в России. Это похоже на обоснование П.А. Валуева о необходимости введения в России законосовещательного Государственного совета, чтобы правительство встало во главе социального движения³¹⁵.

Польское восстание 1863 г. усилило опасения российской общественности по поводу возможной революции в России. Фигура Герцена и до событий 1863 г. постоянно связывалась с делом революции и негативным влиянием на состояние умов молодого поколения, о чем подробно уже говорилось в настоящей работе. Поддержка Герценом польского восстания

---

³¹¹ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. Указ. соч. С. 12.

³¹² Чичерин Б.Н. Воспоминания. Указ. соч. С. 67.

³¹³ По мнению М.А. Давыдова, подобное восприятие пролетариата как «угрозы слева» оставалось актуальным для российской общественности вплоть до конца XIX – начала XX вв. Давыдов приводит в пример статью С.Ю. Витте «Мануфактурное крепостничество» 1885 г., в которой Витте называет вольнонаемный труд рабочих «новым рабством». См. Давыдов М.А. Указ. соч. С. 914-915.

³¹⁴ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 128.

³¹⁵ Валуев П.А. Указ. соч. С. 32.

усугубило тенденцию подобного восприятия Герцена, сложившуюся на рубеже 1850-1860-х гг., и окончательно предопределило падение популярность герценовских изданий.

В предыдущей главе подробно рассматривался процесс, в результате которого главным российским публицистом стал Катков, который «переиграл» Герцена в польском вопросе. Это было связано не только с опасениями российской общественности перед возможными революционными потрясениями, но и с обострением национального вопроса в связи с польским восстанием 1863 г. Особенно важное место данная проблема занимала в философии славянофилов. Это обусловило тот факт, что славянофилы (пожалуй, наравне с Катковым) наиболее остро восприняли позицию Герцена по польскому вопросу.

А.А. Тесля удачно охарактеризовал важность польского вопроса как для Герцена, так и для славянофилов. В ходе польского восстания Герцен не мог поступиться требованием независимости Польши. Это было связано с тем, что данная идея была одной из главных частей его пропаганды на Западе. Герцен, осуществляя главную цель своей эмиграции, которую он еще в «С того берега» охарактеризовал как необходимость знакомить «Европу с Русью», убеждал европейскую общественность в «существовании отличной от официальной, другой России»³¹⁶. Эта тема проходит красной линией через всю публицистику Герцена 1860-х гг. Например, в статье «Россиада» Герцен в очередной раз провел четкую грань между «Русью народной», с которой он себя ассоциировал как «русского», и Россией «официальной, петербургской, петровской, карамизнской, погодинской, той, которая кнутах и штыках, на казематах и каторгах упрочила сильную державу, основанную на отрицании всех человеческих прав»³¹⁷. Потеря Герценом какой бы то ни было поддержки в России имело и более важное значение для Герцена. Это также привело к «утрате Герценом своего статуса в глазах Европы». В ходе польского

---

³¹⁶ Тесля А.А. Указ. соч. С. 80.

³¹⁷ Герцен А.И. Россиада // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1959. Т. 17. С. 294.

восстания выяснилось, что большинство российского общества придерживалось взглядов, которые Герцен сам постоянно осуждал как реакционные. Это стало причиной, по которой ситуацию 1863 г. Герцен «переживал как крушение дела своей жизни»³¹⁸.

Таким образом, в ходе польского восстания 1863 г. абсолютное большинство российского общества солидаризировалось с политикой правительства и линией «Московский ведомостей» Каткова. Ярким примером может служить газета «Северная пчела», редактором которой был П.В. Усов и которую традиционно считают либеральной по своему идейному направлению. На протяжении всего 1863 г. события в Польше освещались перепечаткой информационных сводок из газеты «Русский инвалид», которая являлась официальным изданием Военного министерства. Также в различных материалах, посвященных польскому восстанию, использовалась та же лексика, которую использовал Катков на страницах «Московских ведомостей». Например, активно использовались слова «мятежник» и «шайки» для характеристики восставших поляков: «Известия из Польши день ото дня делаются более и более успокоительными. Вчера телеграф сообщил о захвате еще одного из главных коноводов мятежа Радзиевского...»³¹⁹. Также в «Северной пчеле» часто публиковались верноподданнические адреса, которые передавали солидарность с официальным правительственным курсом в вопросе подавления восстания: «они не перестают распространять злодеяния не только в Польше, но даже дерзают возмущать родной России край белорусский». Далее автор письма обращается к Александру II и уверяет, что его родной край (город Сураж в Витебской области) сохранит верность императору так же, как это было в 1812 и 1830 гг.³²⁰

В этом же контексте В.А. Твардовская отмечает, что большинство российской общественности, в отличие от Герцена, положительно отнеслось к

---

³¹⁸ Тесля А.А. Указ. соч. С. 81.

³¹⁹ Северная пчела. 1863. № 58. С. 230.

³²⁰ Северная пчела. 1863. № 210. С. 925.

репрессивной политики М.Н. Муравьева на посту виленского генерал-губернатора. В качестве примера можно привести Ю.Ф. Самарина, который охарактеризовал Муравьева как человека, который за три месяца сумел «поднять на ноги и оживить целый народ»³²¹.

Эта тенденция особенно ярко проявилась в том, как деятельность Герцена воспринималась в 1863 г. представителями славянофильства. Славянофильская риторика в оценках Герцена и его идей была похожа на катковскую, однако имела под собой несколько другие основания. Одним из главных выступлений 1863 г., направленных против Герцена, стали «Письма Касьянова из Парижа»³²², которые публиковались в славянофильской газете «День» с марта по июнь 1863 г. Настоящим автором писем был И.С. Аксаков. В первом письме Аксаков сравнивает русских за границей с главным героем комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Русские эмигранты так же, как герой Мольера, который отказывается от своей родни, чтобы казаться дворянином, «спешат осудить вслух иностранцам все русское, унижаясь, просят извинения для грубой русской народности...». В этом же контексте Аксаков задается вопросом о том, что привнесли русские, которые отправляются за границу, в европейскую культуру: «Познакомили ли хоть с Россией? Познакомили действительно – с ее недугом, с полной деморализацией русского общества в смысле политическом и общественном, с его отчуждением от русской народности, с его духовной зависимостью от европейского общественного мнения?»³²³. Хотя Аксаков и не называет имя Герцена напрямую, очевидно, что Аксаков в первую очередь имеет в виду издателя «Колокола».

В таком же ключе уже в 1864 г. Герцена характеризовал другой идеолог славянофильства Ю.Ф. Самарин. Самарин в большом письме к Герцену от 3

---

³²¹ Русь. 1883. № 1. С. 41.

³²² Аксаков И.С. Письма Касьянова из Парижа [электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_pisma_kasyanova.html/ (дата обращения 15.04.2020).

³²³ Там же.

августа 1864 г., которое впоследствии в 1880-х гг. было опубликовано в газете «Русь», противопоставлял Герцена русскому крестьянину, который, переселяясь в другой край, всегда берет с собой горсть родной земли и «бережет ее как святыню». На основании подобного противопоставления Самарин сделал вывод о внутренней несостоятельности Герцена: «Что не имеет корня, то не плодится, что так сказать доживает в природе человека, без его сознания и ведома, как отблеск старины, от которой он отрекся, то другим не передается»³²⁴.

Во втором письме Касьянова Аксаков говорит о «лишних людях»: «лишние в своем отечестве люди оказываются лишними повсюду»³²⁵. Очевидно, что в этом контексте Аксаков также имеет в виду Герцена, который интерпретировал себя как «лишнего человека» в николаевской России. В данном письме Аксаков удачно охарактеризовал ту идейную изоляцию, в которой оказался Герцен в результате польского восстания 1863 г.: «никогда лишние не оказывались до такой степени лишними за границей, как теперь, при современных событиях в Польше»³²⁶. Этот феномен Аксаков объясняет со стороны европейского и русского читателя изданий Герцена. По мнению Аксакова, Герцен и его сторонники не могут вызывать уважения европейцев, так как «эти люди накликают на Россию бедствия войны и раздора, созывают полчища со всей Европы, обагрят свои руки в крови русского народа...»³²⁷. Следовательно, в этом контексте Аксаков критикует Герцена за формирование у европейского читателя ложных представлений о реальном положении дел в России. Более того, из этого небольшого фрагмента видно, что Аксаков так же, как и представители охранительной мысли, считает Герцена ответственным за начало польского восстания. Далее Аксаков задает риторический вопрос: «И это русские?»³²⁸. Получается, что Аксаков так же, как и Катков, апеллирует к

---

³²⁴ Русь. 1883. № 1. С. 38.

³²⁵ Аксаков И.С. Указ. соч.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

безнравственности Герцена, который, после вступления в «союз с врагами родной страны», а также считает его предателем России, который в союзе с поляками «проповедует не восстановление Польши, а порабощение русской народности в Западной крае и уничтожение русского народа»³²⁹. Это, по мнению Аксакова, заставило русского читателя окончательно разочароваться в Герцене.

В таком же ключе интерпретировал Герцена Самарин во время их полемики 1864 г. Самарин также использует лексику Каткова и характеризует польских восставших как «шайки наемных убийц»³³⁰, а само восстание, практически дословно цитируя одну из передовиц Каткова, Самарин называет «шляхетским и иезуитским заговором»³³¹. В манере, свойственной как охранительной, так и либеральной российской общественности, Самарин критикует Герцена за дурное влияние, которое оказал «Колокол» на молодое поколение в России: «Наша молодежь в гимназиях и университетах перестала учиться; она занялась устройством разных тайных обществ, органов будущей политической агитации»³³².

Однако в этом же письме Самарин выдвинул обвинение против Герцена, свойственное именно для славянофилов, которое в определенной степени отличает славянофильскую риторику от катковской. Это направление критики Герцена основывается на «материализме» Герцена, который предполагал отрицание веры и религии. Вопрос веры занимал одно из центральных положений в философии славянофилов. Тесля раскрывает эту тему на примере восприятия славянофилами уваровской формулы «православие, самодержавие, народность». В концепции С.С. Уварова центральное место занимало «самодержавие», а «православие» воспринималось как традиционная вера большинства населения империи, которая также служила источником сакральной легитимности власти монарха. Следовательно,

---

³²⁹ Там же.

³³⁰ Русь. 1883. № 1. С. 41.

³³¹ Там же.

³³² Там же. С. 39.

«народность» олицетворяла собой соединение лояльности императору и православию. Славянофилы принимали эту триаду, однако несколько по-другому расставляли акценты. Славянофилы выделяли из этой триады «православие» и «народность», воспринимая «самодержавие» лишь как «русскую форму правления», которая нашла себе адекватное выражение в конкретный исторический период³³³.

Таким образом, в соответствии с классическим восприятием уваровской триады в принадлежности русской народности отказывалось старообрядцам, сектантам, католикам, а также конституционалистам и республиканцам. Это было связано с тем, что «народность» предполагала приверженность самодержавию и православию³³⁴. Подобный подход был в большей степени характерен для критики Герцена Катковым. Славянофилы же делали больший акцент на православии. Именно поэтому Самарин критиковал Герцена за безнравственность с опорой на идею неотделимости веры от нравственной свободы³³⁵.

Таким образом, рубеж 50-60-х гг. XIX в., а также польское восстание 1863 г. определили характер восприятия Герцена представителями русской либеральной общественности. До событий 1863 г. были заложены общие тенденции, в соответствии с которыми Герцен воспринимался как потенциальная угроза в контексте возможных революционных потрясений. Кавелин и Чичерин задали основные направления критики Герцена, которые впоследствии были актуальны для русских либералов на протяжении 1860-х гг. Герцен воспринимался как лидер революционного движения, чья публицистика оказывает пагубное воздействие на молодое поколение, а также мешает консолидации общественных сил вокруг правительства в период либеральных преобразований. Подобное восприятие Герцена сопровождалось сомнениями в нравственной чистоте и интеллектуальном уровне издателя

---

³³³ Тесля А.А. Указ. соч. С. 60-61.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Русь. 1883. № 1. С. 38.

«Колокола», что было типичным явлением для политических дискуссий в России XIX в.

Оценки публицистики Герцена либеральной общественностью были похожи на направления критики, которые выдвигались представителями охранительного направления. Это было связано с историческим контекстом 1860-х гг., которые характеризовались общими опасениями российской общественности перед возможной революцией в России. Однако в этом контексте между либеральной и охранительной риторикой существует небольшая разница, которая вытекает из особенностей этих течений общественной мысли. В то время как русские консерваторы воспринимали идеи Герцена как враждебные для России, то представители либерального течения считали идеи Герцена вредными, однако наиболее неуместными в конкретный исторический период 1850-1860-х гг., когда Россия встала на путь реформ. До 1863 г. это выражалось в менее враждебном тоне либеральной критики Герцена в сравнении с охранительной. Как уже неоднократно отмечалось в настоящей работе, польское восстание 1863 г. сыграло ключевую роль в консолидации общественного мнения вокруг царского правительства. Таким образом, после восстания Герцен стал восприниматься широкими кругами еще и как предатель родины. Это также обусловило потерю интереса в России к личности Герцена и его изданиям, что выразилось в резком падении популярности «Колокола» и переезд Вольной русской типографии из Лондона в Женеву в апреле 1865 г.

Заключение.

А.И. Герцен является одной из центральных фигур для истории русского общественно-политического движения XIX в. Его идеи оказали серьезное влияние на становление как социалистической, так и консервативной мысли в России, что видно на примере философии К.Н. Леонтьева и Ф.М. Достоевского. Это говорит о принадлежности Герцена ко всей русской философской традиции. Его наследие оказалось востребованным сразу же после смерти в 1870 г., что выразилось в желании представителей различных течений общественной мысли причислять Герцена к своей традиции. Однако, несмотря на популярность рубежа 50-60-х гг. XIX в., у Герцена практически не было последователей среди современников³³⁶.

Данный феномен ярко отобразился в оценках публицистики Герцена российской либеральной и консервативной общественностью в 1860-х гг. Несмотря на личные симпатии и дружеские отношения, в идейном плане Герцен оставался далек от представителей русского либерализма. Герцен не отрицал революционный путь развития полностью. Русские либералы, выступавшие за постепенное развитие путем реформ, видели в идеях Герцена потенциальную угрозу для реформаторского курса царского правительства. Данная тенденция особенно усилилась после польского восстания 1863 г., которое усилило страх русского общества перед революционными потрясениями. Герцен, который поддержал восставших и решительно осудил репрессивную политику правительства, стал считаться предателем России.

Эти же направления критики были характерны и для представителей охранительной мысли. Подобная схожесть консервативной и либеральной риторики тесно связана с общим историческим контекстом 1860-х гг. Либеральные реформы Александра II сыграли решающую роль в активизации в России общественной жизни, что проявилось в росте влияния общественного мнения и периодической печати. Данный процесс способствовал становлению

---

³³⁶ Келли А. Указ. соч.

различных течений общественной мысли, что прекрасно осознавали видные деятели российского общественно-политического движения. Герцен и его современники в своих сочинениях постоянно подчеркивали важность 1860-х гг. для российской истории. Эта важность и одновременно сложность, связанная с проведением радикальных преобразований, по мнению российской охранительной и либеральной общественности, требовала политической стабильности через консолидацию общественных сил вокруг правительства. Герцен же в этом контексте представлялся радикалом, чья пропаганда в «Колоколе» крайне негативно влияет на состояние умов в России.

На протяжении 1860-х гг. русские консерваторы, либералы и славянофилы видели в Герцене одного из лидеров революционного движения, который приближает революцию в России. Особенно ярко эта тенденция проявилась в ходе польского восстания 1863 г., которое стало главной причиной резкого падения популярности «Колокола». Так называемые революционные демократы 1860-х гг. наоборот критиковали Герцена слева за его неготовность перейти от пропаганды в бесцензурной печати к реальному революционному делу. Это говорит о том, что Герцен оказался в идейной изоляции. Таким образом, Герцен к концу 1860-х гг. оказался на периферии российского общественно-политического движения.

Список использованных источников и литературы:

Источники:

1. Аксаков И.С. Письма Касьянова из Парижа // День. 1863. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_pisma_kasyanova.html, свободный (дата обращения 12.03.2020).
2. Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. – М.: 1887. – Т. 7. – 863 с.
3. Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел в двух томах. – М.: Изд-во Академии наук, 1961. – Т. 1-2.
4. Вишняков П.М. В катковском лицее. Записки старого пансионера (1875-1882 г.) – М.: Типография Вильде, 1907. – 105 с.
5. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. – М.: Издательство АН СССР, 1954-1964. – Т. 6, 12-20, 27-30.
6. Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Выпуск первый (книжки I-III). Факсимильное издание. – М.: Наука. 1974. – 164 с.
7. Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. – С. 106-142.
8. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863-1869.
9. Катков М.Н. Заметка для издателей «Колокола» // Русский вестник. – 1862. – Т. 39. – № 26. – С. 834-852. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_zametka_dlya_izdatelya.html, свободный (дата обращения 15.05.2020).
10. Катков М.Н. К какой партии мы принадлежим // Русский вестник. – 1862. – Т. 37. – № 2. – С. 832-844. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_k_kakoy_partii.html, свободный (дата обращения 20.04.2020).

11. Катков М.Н. Польский вопрос // Русский вестник. – 1863. – Т. 43. – № 1. – С. 471-482. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_polskiy_vopros.html, свободный (дата обращения 01.05.2020).
12. Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. – 1863. – Т. 44. – С. 469-506. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_что_нам_делат_с_польшей.html, (дата обращения 15.05.2020).
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 21. – С. 255-262.
14. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – Т. 7. – Кн. 1. – 560 с.
15. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – Т. 1. – 599 с.
16. Никитенко А.В. Дневник в трех томах. – М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1955. – Т. 2-3.
17. Писарев Д.И. Литературно-критические статьи. Избранные. – М.: «Художественная литература», 1940. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0300.shtml, (дата обращения 01.05.2020).
18. Письмо А.И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д.К. Шедо-Ферроти. – Берлин: Lib. V. Behr. (E. Vock), 1862. – 45 с.
19. Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. – Женева: H. George, Libraire éditeur, 1892. – 228 с.
20. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени // Победоносцев К.П. Сочинения. – СПб.: Наука, 1996. – С. 284-298.
21. Русь. – 1883. – № 1. – С. 30-42.
22. Северная пчела. – 1863. – № 58, 210.

23. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. – СПб.: Изд-во О. Абышко, 2010. – 352 с.
24. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Записи прошлого. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1929. – 145 с.
25. Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. – М.: Издание К. Солдатенкова, 1862. – 265 с.
26. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М.: Тип. Грачева и Ко, 1866. – 553 с.

Литература:

1. Берлин И. История свободы. Россия. – М.: НЛЮ, 2001. – С. 34-49.
2. Берташ А. Свящ. Елагин / А. Берташ // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – Т. 18. – С. 253-257.
3. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 383 с.
4. Володин А.И. Герцен и Запад// Герцен – мыслитель, писатель, борец. – М.: Государственный литературный музей, 1985. – С. 15-30.
5. Гревцова Е.С. Александр Герцен и Константин Леонтьев: философское сравнение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-gertsen-i-konstantin-leontiev-filosofskoe-sravnenie/viewer>, (дата обращения 27.04.2020).
6. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.
7. Давыдов М.А. Послесловие ко второму изданию // Давыдов М.А. 20 лет до Великой войны. – СПб.: 2016. – С. 901-997.
8. Дудзинская Е.А. Славянофилы на страницах герценовских изданий // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки / под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1986. – С. 75-85.

9. Желвакова. Герцен. ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 547 с.
10. Ильин А.А. История понятия «революция» у А.И. Герцена и М.А. Бакунина: дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук НИУ ВШЭ. – М.: 2018. – 290 с.
11. Кантор В.К. Герцен как прототип Ставрогина // Человек. – 2014. – № 3. – С. 148-159.
12. Келли А. Был ли Герцен либералом // НЛО. – 2002. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/byl-li-gerczen-liberalom.html>, (дата обращения 12.05.2020).
13. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М.: НЛО, 2018. – 632.
14. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860-1880 гг.). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – 380 с.
15. Китаев В.А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50-60-х годов XIX века). – М.: Мысль, 1972. – 288 с.
16. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855-1881). Исторические очерки. – М.: 1909. – 263 с.
17. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-1890-х годов. – СПб.: Владимир Даль, 2016. – 487 с.
18. Крученнов Ф.М. Политическая программа А.И. Герцена в 1860-е гг.: курсовая работа студента 3 курса бакалавриата образовательной программы «История» факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ / научный руководитель К.А. Соловьев. – М.: 2019. – 51 с.
19. Левинсон К.А. М.Н. Катков и польское восстание 1863 г. // Гефтер. – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/12465>, (дата обращения 15.04.2020).

20. Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. – СПб.: Типография «Герольд», 1903. – 512 с.
21. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 21. – С. 255-262.
22. Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма 1812-1855. – М.: Территория будущего, 2010. – 568 с.
23. Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 405 с.
24. Маслин М.А. Философия А.И. Герцена сегодня // Философский журнал. – 2012. – № 2. – С. 130-140.
25. Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. – М.: Мысль, 1989. – 256 с.
26. Порох И.В. А.И. Герцен в письмах своих идейных противников (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.) // Историографический сборник. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. – № 16. – С. 57-79.
27. Порох И.В., Порох Вл. И. Герцен и И. Аксаков на рубеже 50-60-х гг. XIX в. // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки / под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1986. – С. 85-102.
28. Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. – СПб.: Нестор, 2007. – 298 с.
29. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 1. – 464 с.
30. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М.: Наука, 1978. – 280 с.
31. Тесля А.А. Герцен и славянофилы // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 12. – С. 62-85.

32. Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. – М.: Издательство «Европа», 2014. – 280 с.
33. Тетради по консерватизму: Альманах. – № 3. – М.: Фонд ИСЭПИ, 2018. – 434 с.
34. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). – М.: ООО. «ТИД Русское слово-РС», 2002. – 432 с.
35. Эйдельман Н.Я. «Колокол» и его корреспонденты (июль-октябрь 1858 г.) // Чернышевский и его эпоха. Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. / под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1979. – С. 35-45.
36. Эйдельман Н.Я. Свободное слово Герцена. – М.: Едитотриал УРСС, 1999. – 527 с.
37. Kelly A. The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen / A. Kelly. – Cambridge, Harvard University Press, 2016. – 608 p.
38. Venturi F. Roots of revolution. A history of the populist and socialist movements nineteenth century Russia. – New York: Alfred A. Knopf, 1960. – P. 1-36.

